

ОСТОРОЖНО, МОРОЗОВ!

Дарья Дмитриева, Алексей Морозов

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

**Дарья Дмитриева
Алексей Морозов**

Осторожно, Морозов!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70205719

SelfPub; 2023

Аннотация

Веселые рассказы из жизни моего папы, Алексея Морозова. Это истории, которые из года в год рассказывались на семейных и дружеских ужинах. Которые интересно слушать и в третий, и в десятый раз. Но мы пошли дальше. Мы перетряхнули папину (и мамину) память и выудили оттуда такое, чему они и сами удивились. Мы дополнили истории потрясающими, яркими (и главное, правдивыми!) деталями. При написании книги я изучала фото, газеты, программу телепередач и прогноз погоды тех лет. Я пыталась максимально точно восстановить, как оно было на самом деле. Поэтому если вдруг во время чтения в голову закрадётся мысль: « Да не... Уж это они точно придумали!» – гоните диверсанта прочь! Здесь всё – абсолютная правда до последней точки. Имена второстепенных героев изменены.

Содержание

Вместо предисловия...	4
Алексей	4
Даша	6
Патриот	8
Фотограф	18
Тубус	30
Любовь	40
Лёша	40
Лена	46
Лёша	49
Лена	53
Лёша	55
Лена	59
Североморск	61
Пыжиковая шапка	81
Пока женщина собирается	92
Нет безВХОДных ситуаций	102
Инкассаторы	108
Нью-Йоркское такси	124

Дарья Дмитриева, Алексей Морозов Осторожно, Морозов!

Вместо предисловия...

Алексей

Ну что ж, други мои. Три года дополнительной молодости, щедро подаренные мне президентом, медленно, но верно подходят к концу, и пенсия уже не просто скребётся, а громко молотит в мою незапертую дверь. «Эх жизнь!» – хочется воскликнуть. Хотя жизнь в целом чудесная и удивительная. Столько интересных событий мне подарила судьба! А сколько ещё ждёт впереди! Хотя могут случиться и неожиданные сюрпризы. Например, некоторые уважаемые граждане уверяют, что иногда к избранным в гости приходит без стука и предупреждения некий господин Альцгеймер. И якобы тут начинают твориться настоящие чудеса. Типа, то, что было не со мной, помню и наоборот... Ну, вы меня поняли. Так вот, как оно там потом сложится, никто не знает, но на

всякий случай посетила меня (нас) мысль изложить некоторые эпизоды из моей биографии на бумаге. И тогда, если что, взял книжку (тут главное, не забыть, где она лежит), прочитал, и можно дальше с оптимизмом смотреть в окно или кормить голубей, или ещё чем-нибудь важным заниматься. Ну а если в круг избранных я не попаду, то тоже неплохо. Внуки там, правнуки почитают, может быть, и узнают, какая интересная жизнь была у их предка. В общем, польза со всех сторон.

И, конечно, безмерное спасибо моей любимой дочурке Даше. Она собрала воедино и виртуозно описала мои сумбурные и порой запутанные воспоминания. Хотя с гордостью могу сказать, что рассказ «Патриот» – наше совместное творчество, написан он «в четыре руки».

А также спасибо моей дорогой супруге и самому близкому другу Лене. Без её участия некоторые эпизоды могли бы быть сформулированы недостаточно правдиво.

Ну да ладно. Хватит прелюдий! К тексту, друзья мои! Вперёд!!!

Даша

Несколько лет назад я серьёзно увлеклась генеалогией. Пропуском в архив прорубив себе проход прямо к 17 веку в непроходимых джунглях истории семьи, я вдруг поняла очень важную вещь. Я бы сказала, на меня снизошло озарение. Родоведение – оно не только про далёкое прошлое. Оно и про вчера, и про сегодня, и даже чуть-чуть про завтра!

Я уже не смогу ни о чём расспросить бабушку. А возможности задать вопросы прапрапрадеду капитану Лейно у меня никогда и не было, так что бОльшая часть его жизни так и останется тайной. Но вот же рядом папа! Его-то я точно могу расспросить! И записать всё, что он расскажет. Видите ли, генеалогия – это такая сложная штука. Наши потомки смогут с лёгкостью узнать даты наших рождений и бракосочетаний, места учёбы и работы. Но если мы не запишем удивительные истории из повседневной жизни, то никакой пропуск в архив не поможет нашим праправнукам узнать о нас больше, чем сухие факты. А ведь истории из жизни – это самое ценное! Тем более такие, как папины. Он будто бы всю жизнь готовился к тому, что когда-нибудь про него напишут книгу, и жил соответствующе.

Это истории, которые из года в год рассказывались на семейных и дружеских ужинах. Которые интересно слушать и

в третий, и в десятый раз. Но мы пошли дальше. Мы потряхнули папину (и мамину) память и выудили оттуда такое, чему они и сами удивились. Мы дополнили истории потрясающими, яркими (и главное, правдивыми!) деталями. При написании книги я изучала фото, газеты, программу телепередач и прогноз погоды тех лет. Я пыталась максимально точно восстановить, как оно было на самом деле. Поэтому если вдруг во время чтения в голову закрадётся мысль: «Да не... Уж это они точно придумали!» – гоните диверсанта прочь! Здесь всё – абсолютная правда до последней точки.

А если вы заметите несовпадения в маминной и папиной версиях рассказа «Любовь», то знайте: автор здесь ни при чём. Как ему рассказали, так он и записал! Кстати, идея записать два варианта развития событий – с папиной точки зрения и с маминной – принадлежит маме. За что ей большое спасибо, это очень украсило нашу с папой книжку.

А ещё я предлагаю вам игру. По страницам книги я разбросала «пасхалки» – цитаты из русской классики, советских кинофильмов и песен (есть и видоизменённые, и дословные). Всего 13 штук. Попробуйте найти их все! А для этого не забудьте перечитать папино вступление и имейте в виду, что не в каждом рассказе они есть. В самом конце книжки вы сможете найти ответы – те самые цитаты в том виде, в котором они представлены в книжке. О том, откуда они, все-таки догадайтесь сами!

Патриот

Алёшенька Морозов хотел побыстрее стать октябрёнком. Во-первых, он уже успел прочитать книжку «Ленин и дети» и осознал, насколько важным является этот шаг в жизни каждого советского человека. А во-вторых, октябрятам выдавали такие красивые значки-звёздочки! Он мечтал, как на торжественной школьной линейке, посвящённой этому грандиозному событию, ему прикрепят такую звёздочку на школьную курточку. Как после этого он пойдёт домой, выпятив грудь, а дошколята, увидев его, будут восхищённо замирать и завидовать. Алёшенька смотрел на календарь и ждал заветного дня. Ждал, ждал... И вдруг заболел. Школьная линейка по принятию октябрят прошла без него. Красивые звёздочки торжественно вручили всему классу, кроме одного Алёши. Он получил заветный значок совсем буднично, между делом, в классе после выздоровления. Так Алёшенька впервые узнал, что жизнь штука сложная, одни радости вкушать не получится. О том, что в страданиях душа совершенствуется, ему еще только предстояло узнать.

Заканчивался третий класс. Алёша вместе с одноклассниками не мог дожидаться вступления в пионеры. Потому что быть пионером – это гораздо круче, чем октябрёнком. Третьеклассникам-то уже всем очевидно, что октябрята – это

малышня. А вот пионеры... Пионеры – это уже почти комсомольцы! А комсомольцы во время войны Родину защищали! Вот какие они, комсомольцы! И потому пионеров такие красивые красные галстуки!.. Алёша мечтал, как будет всё время его носить. А ещё делать разные хорошие дела, прямо как Тимур и его команда. Только надо придумать какие... Ну, это потом. А сейчас у него и без того дел хватает. В свободное время можно было, например, читать книги про героическую жизнь пионеров и комсомольцев. Или смотреть фильмы про войну. Или играть с друзьями в футбол во дворе. Мячик, правда, не всегда имелся в наличии у футболистов. Ну и ладно. Старый ботинок из мусорного бака тоже вполне сошёлся. В общем,

свободное время было прекрасным! Чего не скажешь про школу. Ладно, математика Алёше нравилась. Но вот, например, английский... Ну ведь любому мальчишке понятно, что Америка и Англия – это враги. Так кому нужен этот английский? Разве что дипломатам... Но дипломатом он быть не хотел. Алёша хотел быть то ли пограничником, то ли моряком. Хотя... Может, когда он вырастет, и границ-то уже не будет. Ведь должны же американцы в конце концов увидеть, как здорово живётся в Советском Союзе, и примкнуть к их дружному социалистическому лагерю. Тогда и пограничники будут не нужны. Ну и ладно. Можно стать космонавтом или спортсменом. Только непременно чемпионом! Чтобы стоять на пьедестале, а на него медаль вешали. Вот каким!

В общем, если бы не перемены, жизнь в школе совсем была бы скучной. На переменах можно было, например, бегать по коридору! Правда, почему-то это не очень нравилось учителям. Или дружески толкаться с мальчишками. Правда, почему-то это не очень нравилось мальчишкам. Или дёргать девчонок за косички. Правда, это почему-то не очень нравилось

девчонкам. Но Алёша был уверен: однажды они все войдут во вкус и увидят, какой он весёлый и замечательный.

А 1 мая всё приближалось. Это будет лучший день в жизни Алёши! Потому что именно в этот день его примут в пионеры. Да не где-нибудь, а на «Авроре»! И хотя Алёша любит и свой День рождения, и Новый год, этот день будет в сто, нет, в тысячу раз лучше! Ведь крейсер «Аврора» – это символ страны, чудесной и счастливой жизни советских людей! И Алёша будет стоять там, на палубе, и ему повяжут красивый красный галстук и объявят пионером! Дух захватывало, когда он представлял себе этот момент. Оставалась только маленькая, можно сказать, крошечная формальность – классное собрание по поводу вступления в пионеры. И сразу за ним – светлое будущее!

В светлое будущее Алёшу не приняли. Класс проголосовал за то, что он пока что не достоин стать пионером. Алёша не мог поверить своим глазам! Он, самый большой патриот, который так любит свою страну и так хочет защищать её от

врагов (особенно от американцев!), не достоин быть пионером?! Да кто же, если не он? Как же он будет защищать страну, если он не пионер?.. Почти весь класс получил красные галстуки на «Авроре». А Алёше через две недели учительница абсолютно буднично отдала его на переменке. Он решил, что не нужна ему ни английская школа с её вражеским языком, ни одноклассники, которые не могут отличить патриота от непатриота. И перешёл в другую.

В новой школе всё сразу же наладилось. Мальчишки хулиганистые, но классные. Девчонки симпатичные. И – главное! – учиться здесь было значительно легче. Лёша чуть было не стал отличником. Но вовремя одумался. Времени такие вещи требуют много. А он, во-первых, не очень понимал, зачем оно надо. А во-вторых, увлекся конькобежным спортом. Мысль о том, чтобы стать отличником, была окончательно похоронена.

Кому нужны пятерки для защиты Родины? Понятное дело, никому. Тут самое главное – вступить в комсомол. Устав комсомола Лёша знал наизусть, так что никаких проблем со вступлением быть просто не могло. Надо было только пройти через две абсолютно маленькие, можно сказать, крошечные формальности: сперва комиссию в Комитете пионерской дружины школы, а затем комиссию в комсомольском Комитете. И всё! Он – комсомолец!

В кабинет Лёша вошёл уверенно, легко и в прекрасном настроении. А иначе и быть не могло! Ведь это такой важ-

ный и счастливый этап в его жизни! Увидев симпатичных девочек-пионерок, очень серьёзных и сосредоточенных, он широко улыбнулся им.

– Товарищ, вы почему улыбаетесь? – строго спросила одна из девочек.

– Улыбаюсь, потому что у меня всё хорошо! – задорно ответил Лёша.

Девочки задумались. Посоветались и решили, что улыбаться в Комитете пионерской дружины – это нахальство, так что они не могут ходатайствовать о вступлении Лёши в комсомол.

Когда он рассказал об этом классной руководительнице, та просто потеряла дар речи.

Не может быть! Лучший ученик её класса! Спортсмен! Патриот! И не принять в комсомол! Учительница вдохнула, выдохнула и куда-то убежала с кем-то разговаривать. Вскоре дружина решила, что Лёша всё-таки достоин стать комсомольцем.

Через несколько дней Лёша вошёл в кабинет комсомольского Комитета школы. За столом сидело несколько старшеклассников с комсомольскими значками на груди и очень серьёзными лицами. Лёша был уверен, что его начнут гонять по вопросам об уставе комсомольской организации, и, хоть и знал его наизусть, всё равно немного волновался.

– Как зовут Генерального секретаря КПСС? –
услышал он вопрос.

Такого лёгкого вопроса Лёша совсем не ожидал и расплылся в улыбке:

– Конечно же, Леонид Ильич Брежнев! –
бойко ответил он.

Комитет посчитал, что улыбаться на таком серьёзном мероприятии нельзя. И постановил, что Лёша ещё не готов быть комсомольцем.

Когда об этом узнала классная руководительница, она снова потеряла дар речи. А когда Лёша заикнулся о том,

что, наверное, не будет вступать в комсомол, а просто будет патриотом, появились опасения, что её хватит инсульт. «Без комсомольского значка будут проблемы с поступлением в институт!» – увещевала она любимого ученика. Лёша классную руководительницу уважал и расстраивать её в его планы не входило, да и в институт хотелось... Учительница сбегала, с кем-то поговорила, и его приняли в комсомол.

Лёша поступил в институт. На втором курсе, заметив его организаторские способности на общественно полезном мероприятии по сбору картошки, в комсомольской организации факультета ему сделали предложение, от которого было нельзя отказаться: стать заместителем по оргработе. В течение нескольких месяцев Лёша занимался какими-то мелкими поручениями, а весной ему доверили по-настоящему серьёзное дело – организовать субботник для всего факультета. Лёша съездил в ЦПКИО, составил график, организовал, чтобы на всех хватило метёлок и грабель... Субботник прошёл на ура. Молодого комсомольца в комитете очередной раз отметили и сказали, что с такими выдающимися способностями надо быть замом секретаря по идеологической работе. А это вам не просто так! Это фактически второй человек после секретаря комсомольской организации факультета. Задание для нового зама выбрали соответствующе важное: выполнить по институту разнорядку на подписку на разную идеологическую печать, главное, на «Комсомольскую правду». Лёша совершенно не понимал, как он может заста-

вить людей подписаться на эти дурацкие газеты, которые никому не интересны. И спустил всю работу на тормозах. План по подписке был полностью провален. Лёше объявили выговор и из комитета исключили.

Прошли годы. Алексей закончил институт, поступил на работу инженером во ВНИИ телевидения. Его выбрали секретарём комсомольской организации отделения. Он с энтузиазмом принялся за свои секретарские обязанности: устраивал субботники (правда, не по субботам, а по вечерам после работы), принимал участие в организации турпоходов. И тут во ВНИИ телевидения пришёл запрос от КГБ: кто тут у вас самый идеологический? Конечно Морозов Алексей, кто ж ещё! Его-то и пригласили на собеседование с инструктором. Алексей тому очень понравился: ему тут же предложили работу в КГБ. Всё было почти что решено: будущий начальник даже приехал к Алексею домой, чтобы познакомиться с его женой и посмотреть, как живет семья новобранца. Оставалась одна маленькая, можно сказать, крошечная формальность: собеседование с генералом КГБ. В назначенный день Алексей пришёл в кабинет к генералу. Во время встречи тот вдруг спросил:

– А почему Вы не в партии, кстати?

– Так у инженеров же очередь на вступление в партию, – простодушно ответил Алексей.

Это была совершеннейшая правда: рабочие могли вступить в партию без проблем, а интеллигенции приходилось

ждать столь высокой чести.

Старый, матёрый коммунист выпучил глаза. Побагровел. Да как заорёт:

– В партию очередь?! Какая ещё очередь?! Вы чего выдумываете?! Убирайтесь вон!

Так Алексей не попал на работу в КГБ.

Но Алексей Викторович не расстраивался. С удовольствием продолжал работать в своём НИИ, подал заявку на изобретение, приступил к написанию кандидатской. И тут выяснилось, что, не будучи членом партии, диссертацию защитить гораздо сложнее. «Видимо, никуда от этого не деться», – подумал Алексей Викторович и вступил в партию.

Был самый разгар перестройки. В печати стали появляться ранее неизвестные факты о Советском Союзе, о революции, о вожде пролетариата. Алексей Викторович читал эту новую правду, и его мозг плавился от информации. После прочтения письма Ленина Горькому, в котором была фраза о том, что «интеллигенция – это говно нации», он пошёл в партком и написал заявление о выходе из партии. Положил на стол партбилет и ушёл.

Фотограф

Лёша верил в удачу. Сложно было не верить, когда ему по жизни везло. Вот даже если взять самые базовые вещи.

Во-первых, родился он в СССР. А это, как всем известно, самая лучшая в мире страна. Во-вторых, в этой самой лучшей в мире стране он родился в самом лучшем городе – Ленинграде. Не в какой-нибудь там Екатерининке или – ещё хуже! – Москве. А в городе Ленина! В городе на Неве! Самом лучшем, самом красивом городе в мире. Он, правда, нигде больше пока ещё не бывал, но в данной аксиоме не сомневался. Идём дальше.

Ему очень повезло с родителями. Отец – блестящий хирург, заведующий хирургическим отделением больницы имени Ленина. Мама – главный архитектор в проектном институте. Ну прям приятно рассказывать, когда в школе

спрашивают. Гордость так и пробирает. Сложно придумать более важные профессии. Да к тому же отношения с родителями у него были прекрасные. Папа любил и уважал его, а мама так вообще в нём души не чаяла. Так-то, конечно, за что Лёшу не любить и не уважать, когда он со всех сторон молодец? Но всё равно приятно. А ещё у Лёши была сестра Алёна. И с сестрой они тоже обычно ладили. В те минуты, когда не хотелось её прибить, конечно.

В-третьих, жили они в отдельной, огромной трёхкомнатной квартире почти в центре города – в старой части Васильевского острова, на Тучковом переулке, недалеко от набережной Малой Невы. У Лёши даже была своя собственная комната. Просторная! Светлая! С окнами на улицу! Ну где это видано, чтобы у советского мальчишки была своя собственная комната, сами подумайте. Вот то-то и оно. Далее. Помимо собственной квартиры у семьи Морозовых недавно появилась собственная дача, куда они ездили на собственном «москвиче». А поскольку всё это от Лёши не зависело ни капельки, то логический вывод мог быть только один: он везунчик по жизни.

Вот поэтому-то Лёша и покупал лотерейные билеты. Ему обязательно должно однажды повезти! Он в этом просто не сомневался. И исправно приобретал билеты «Спортлото», тратя тридцать копеек, тайком сэкономленных на школьных завтраках. «Спортлото» ему очень нравилось, потому что там надо было угадывать цифры, а цифры Лёша любил. Принцип был такой. На лотерейном билете было нарисовано поле семь на семь квадратиков. В них цифры от 1 до 49. Надо было вычеркнуть любые шесть цифр, заполнить свои данные и опустить в специальный ящик. Ну а потом ждать воскресенья и, усевшись перед телевизором, гипнотизировать шарики, скатывающиеся из большого прозрачного лототрона (телевизор у Морозовых тоже был, и это ещё одно доказательство Лёшиной везучести). Если угадать все шесть номеров,

то можно было выиграть целых 5000 рублей! А это, между прочим, стоимость нового автомобиля «Москвич»! Правда, сделать это было очень сложно. Далекое не каждую игру кто-то забирал главный приз. Но бывали случаи, когда люди выигрывали и по 10 000 рублей, и даже больше! Они просто скупали несколько десятков

билетов и получали сразу же несколько выигрышей. 10 000, может, Лёше и не надо было. На что их тратить? Но вот рублей 100 точно не помешали бы.

Несколько раз Лёша угадывал три числа из шести и выигрывал по три рубля. Немного, конечно, но всё же! Можно было, например, шесть раз сходить в кино! Или купить двадцать семь эскимо! Или семь журналов «Юный техник». Или килограмм колбасы «Останкинской». В общем, деньги не пропадут, это было очевидно.

Но однажды Лёше реально повезло! Он даже сам не поверил своим глазам, когда вдруг на чёрно-белом экране увидел, как один за другим начали выкатываться шарики с зачёркнутыми им числами: 8, 20, 27, 35... Четыре!!! Целых четыре номера он угадал в этот раз! На крики

«Ур-р-р-ра!!!!!» прибежала из кухни мама, показался из-за газеты папа, высунула нос из своей комнаты сестра. Пятьдесят семь рублей! Целых пятьдесят семь рублей он выиграл! Это уже вам не просто двадцать семь эскимо! Это ж можно купить портативный радиоприёмник! Или наручные часы! Или... Или...

Но вдруг папа его остановил. И сказал что-то такое, от чего у Лёши всё внутри замерло:

– Алёш, ты ж давно фотоаппарат хотел? Давай мы добавим тебе сорок три рубля, и ты купишь «Зенит».

Лёша аж задохнулся от восторга. О фотоаппарате он, естественно, давно мечтал, но даже не смел надеяться, что в ближайшее время сможет стать его счастливым обладателем. А тут такая удача! Нет, какой же он всё-таки везунчик по жизни!

Так Лёша стал не просто школьником. Он стал фотографом! И это не голословное утверждение. У него даже появилась своя собственная фотолаборатория, которую он обустроил в одной из больших кладовок, на которые была богата их квартира. Там всё было прямо как у настоящих фотографов! Фотоувеличитель, кюветы, растворы для проявки фото, щипцы и пинцеты, верёвка с прищепками и даже красная лампа. Это было особое место, его магическая комната!

С фотоаппаратом Лёшина жизнь заиграла совершенно новыми красками. Оказалось, что это маленькое чёрное устройство выполняет множество разных, иногда совершенно неожиданных функций. Помимо своего прямого предназначения, то есть фотофиксации окружающей действительности, он, в зависимости от желаний своего хозяина, мог становиться знаком отличия или шапкой-невидимкой. Причём, последнюю сверхспособность Лёша открыл самостоятельно. Кажется, никто, кроме него, про неё не догадывался.

Например, хотелось Лёше пойти на какой-нибудь концерт. А денег на первый ряд, естественно, не было. Или же концерт был бесплатный, но, чтобы занять место в первом ряду, надо было прийти чуть ли не за два часа до начала. В общем, как бы там ни было, первые ряды зрительских кресел на концертах были для Лёши недостижимы. До того момента пока он не купил фотоаппарат и не открыл его волшебную функцию

шапки-невидимки. Делал Лёша следующее. Вешал на шею «Зенит». Принимал серьёзный и чуть безразличный вид. И уверенной походкой проходил к самой сцене. Главное здесь было не оглядываться боязливо по сторонам, не мельтешить и не нервничать, а уверенно стоять там, где лучше всего видно, и не забывать время от времени с деловым видом подносить фотоаппарат к глазам, направлять на сцену и нажимать на кнопку. Удивительно, но за всё это время ни разу никто так и не поинтересовался: а вы, собственно, кто, молодой человек, и откуда? Или хотя бы: а как можно будет получить фото? Ничего подобного не было. Лёшу с фотоаппаратом никто не замечал. Он словно становился невидимкой, который может проходить куда угодно и стоять где заблагорассудится. Но однажды эта способность пригодилась ему в очень неожиданных обстоятельствах.

Был конец августа 1980 года. Лёша уже вернулся из стройотряда, а учёба в институте ещё не началась. Лето выдалось непростым. Каникулы между вторым и третьим курсами Лё-

ша провёл, как обычно, с пользой: съездил в стройотряд, да не просто так, а командиром. Правда, забросили их этим летом в такие места, о существовании которых ленинградские студенты и не подозревали. В маленький посёлок у маленького городка под названием Ухта даже дорог не вело, стройотрядовцы добирались туда на подкидыше по железной дороге. А в самом посёлке за право работать пришлось соревноваться с местными жителями – досрочно освобождёнными зеками. Так что домой Лёша был очень рад вернуться. Последние деньки каникул он планировал провести максимально эффективно: отоспаться перед длинным учебным забегом. И строго придерживался намеченного плана. До 25 августа.

В этот день Лёшу разбудил странный шум с улицы. Вообще, надо сказать, Тучков переулок, куда выходили окна его комнаты, был очень тихой зелёной улочкой, которую редко достаивали вниманием автомобили. Но была у неё одна особенность, которая в определённых обстоятельствах рождала дополнительный шум, даже более насыщенный, чем бывает на напряжённых транспортных магистралях. Дело в том, что Тучков переулок был одной из немногих улиц Ленинграда, до сих пор покрытых старой брусчаткой. В обычное время Лёше это даже нравилось. Выглядело живописно, добавляло этому уголку Васильевского острова романтического флёра, веяло старинным Петербургом... Но только не в этот раз. Этим утром Лёша наконец понял, почему власти города ре-

шили заменить романтическую брусчатку на совсем неромантический асфальт.

С самого утра под окнами его комнаты начали что-то таскать, катать и толкать. Чтобы приглушить шум непонятной возни, Лёша накрыл голову подушкой и постарался поймать ускользающий сон. Впрочем, как всякий студент, он мог спать практически в любых обстоятельствах, особенно если эти обстоятельства не мешали принять горизонтальное положение тела. Так что окончательно он проснулся, только когда звук стал совсем уж необычным. Лёша вскочил и подбежал к окну. По улице разлетался, отражаясь от дребезжащих окон, стук лошадиных копыт. Причём не четырёх, как это иногда случается даже в современном Ленинграде, а целого табуна! Откуда на Васильевском острове взялся табун, Лёша понять не мог. Поэтому, сменив планы со сна на удовлетворение любопытства, выглянул в окно. Окно сперва дело не прояснило. Потому что оказалось, что табун лошадей прискакал в Тучков переулок не один, а с бравыми гусарами в киверах да с саблями. Лёша протёр глаза. Внизу была толпа народа, одетая в старинную одежду. И только кричащий в громкоговоритель человек в накинутом на плечи плаще, кепке и солнечных очках прояснил ситуацию. Ну слава богу. Лёша не свихнулся. Это просто на их улице снимают кино.

Кино Лёша ужас как любил! И побывать на съёмочной площадке, конечно же, всегда мечтал. А тут даже идти никуда не надо – кино само пришло к нему!

Лёша уселся на подоконник поудобнее и стал наблюдать за приготовлениями к съёмкам. Подоконник окна третьего этажа оказался внезапно царской ложей с великолепным обзором на развернувшееся внизу представление. Улица преобразалась. Где-то что-то приколачивали, где-то что-то красили. Их дом обрастал атрибутикой старых времён. Внизу на балконе, у соседей со второго этажа, начали появляться барышни в пышных юбках и шляпках. Прилипнув к стеклу, Лёша вглядывался в лица. Ну а вдруг какого-нибудь известного актёра увидит? Вот так повезёт! И вдруг... Мужчина в плаще убрал громкоговоритель от лица, поднял голову, и Лёша не поверил своим глазам! Это же Эльдар Рязанов! Не может быть! Лёша обожал все его фильмы. «Ирония Судьбы», «Служебный роман», «Гараж»... А теперь он снимает какое-то новое кино прямо у Лёшиного дома! Такой шанс точно нельзя было упустить.

Он схватил свой верный «Зенит», повесил на шею и спустился вниз. На съёмочную площадку, ожидаемо, никого из посторонних не пускали. Но он нацепил серьёзное, слегка озабоченное, уверенное выражение лица, выпятил грудь с фотоаппаратом и, ни на кого не глядя, прошёл через кордон и направился к Рязанову. Но сейчас он с ним ещё не заговорит, нет. План был более изощрённый. Лёша сделал несколько кадров режиссёра на «Зенит» и спокойной походкой пошёл к дому. Как только дверь парадной за ним закрылась, он пулей взлетел по лестнице в квартиру, прямиком направился

в свою кладовку- лабораторию и приступил к печати фото.

Процесс, конечно, был небыстрым. Сначала надо было включить красный свет. На специальный барабан намотать плёнку по спирали. Развести проявитель, по минутам его выдержать. Залить закрепитель. Повесить проявленную фотоплёнку на верёвку, чтобы просохла. И только затем приступить к длительной и кропотливой процедуре печатания фотографии. Даже несмотря на то, что домашняя лаборатория была подготовлена, операция заняла около двух часов.

Когда снимок был готов, Лёша снова повесил фотоаппарат на шею, как оберег, и пустился в обратный путь. Его снова никто не задержал и не окликнул. Естественно, раз человек с фотоаппаратом – значит, делом занят! Лёша направился уже напрямиком к Рязанову.

– Эльдар Александрович, здравствуйте! Подпишите фото, пожалуйста! – сказал Лёша и протянул снимок онемевшему от наглости молодого человека режиссёру.

В голове у него картина явно не вязалась. Парень должен быть из съёмочной группы, иначе как бы он оказался на площадке? Но на фотоснимке был он сам, Эльдар Рязанов, молодежь себя теперешнего максимум часа на два. Но где тогда проявили плёнку?

– Откуда это? – с неподдельным удивлением спросил он.

– Так это я Вас два часа назад сфотографировал.

– И что, уже напечатал?!

– Да, у меня тут домашняя фотолаборатория есть. Вот прямо в этом доме.

– Ну даёшь! Как зовут?

– Лёша.

– Ну ты молодец, Лёша! Держи!

И Лёша, счастливый, понёс домой автограф Эльдара Рязанова, поставленный на его же, Лёшиной, фотографии.

Премьера фильма «О бедном гусаре замолвите слово» состоялась через несколько месяцев, 1 января 1981 года. Морозовы на первых же кадрах увидели свой голубенький дом в Тучковом переулке. На балконе, посылая воздушные поцелуи Валентину Гафту, стояла Светлана Немоляева. И даже уголок Лёшиного окна мелькнул на полсекунды.

Тубус

Лёша сделал музыку погромче. Комнату ещё плотнее заполнила льющаяся из динамиков песня «Аббы».

*...So, when you're near me, darling, can't you hear me? S.O.S.
The love you gave me, nothing else can save me, S.O.S...*

«Со вен юними, далин, кэниорми, э-эс – о – э-э-э-эс...» – подпевал Лёша. Слов он, конечно же, не знал, впрочем, как и вообще английского. С иностранными языками он так и не подружился. Да и не очень понимал, зачем они нужны честному советскому человеку: ну, в самом деле, где их применять, языки эти? Учить ради редких залётных иностранцев смысла он не видел, тем более что любой уважающий себя интурист должен сам учить русский язык.

«Венюгон, хакэн ай ивантрайтугу о-о-о-он...» – продолжал Лёша, аккуратно проводя карандашом по белому ватману, качая головой в такт музыке. Нестерпимо хотелось ещё дёргать плечами, но тогда бы линии точно не получились такими ровными. А он всё-таки старался!

Катушки гипнотизирующее вращались, перематывая тонкую коричневую ленту со свежезаписанным альбомом швед-

ской поп- группы. В отличие от английского музыку Лёша очень любил, особенно когда надо было делать скучную домашнюю работу. «Битлз», «Скорпионс»,

«Бони-М», «Машина времени»... Он слушал всё, что удавалось достать. Ведь у него был новый магнитофон «Комета» – главная мечта любого советского парня. Он стоил целое состояние: аж три месячных зарплаты обычного труженика-инженера – 370 рублей! Но Лёша, студент второго курса Ленинградского электротехнического института, купил его сам – на свои кровные, честно заработанные в стройотряде деньги. За два летних месяца, пока его однокурсники загорали на пляже в Ленобласти и с переменным успехом пытались клеить девчонок, он, Лёша Морозов, умудрился заработать 670 рублей! Невероятное богатство! Хватило и на новенький, хоть и не самый дорогой магнитофон, и на разные другие пацанские штуки.

Из распахнутого окна подул лёгкий, тёплый майский ветерок. Нестерпимо захотелось встать, размяться после долгого сидения внаклонку и подрывать в такт музыке не только головой, но и остальными частями тела. Лёша подошёл к окну и, барабанив ладонями по подоконнику, оглядел окрестности. Внизу копошились строители, ремонтируя дорогу. Солнце, май и зажигательная музыка «Аббы» создавали такое настроение, что даже дурацкий курсовик не мог его испортить. А хорошее настроение – это штука, которой хочется делиться с окружающими.

Лёша схватил колонки и поставил их на подоконник. Строители задрали головы, замахали ему руками, подняли большие пальцы вверх, заулыбались. Он помахал им в ответ и вернулся к своему курсовику, напевая очередную заморскую абракадабру. Хорошее настроение – это штука, которая, если ею поделиться, возвращается в двойном размере. Так даже чертить стало

приятнее. Тем более что работа была уже почти закончена.

Этот курсовик по инженерной графике уже пару месяцев перемещался между письменным столом в Лёшиной комнате в Тучковом переулке и дачей лучшего Лёшиного друга – Олега Барина, постепенно преобразаясь. Огромную замысловатую схему требовалось выполнить на 24 формате ватмана, и работа была проделана гигантская. Лёша такое ужас как не любил. Сидеть и аккуратно чертить чёрт знает что, ещё и штамп этот идиотский... То ли дело математика. Щёлкать задачки быстрее всех в группе, включать мозг, решать то, что другие решить не могут, – вот это было интересно! А тупое вычерчивание никому не нужных схем ему не нравилось совершенно. Но он всё равно старался сделать курсовик хорошо и прилежно трудился над ним всю весну.

Склонившись над ватманом и наморщив лоб, Лёша тщательно выводил штамп. (И кто только придумал эти штампы! Кому они вообще нужны? Маразм полнейший!) Несколько

тонких тёмно-серых линий – и чертёж наконец-то был готов. Лёша откинулся на спинку стула, потянулся, оглядел лист целиком, удовлетворённо выдохнул. О, это чувство, когда заканчиваешь долгую, нудную работу! Разве может оно с чем-нибудь сравниться? Вряд ли. Вот он, запах свободы! Его, то есть запах, не портила даже неумолимо приближающаяся сессия. Но это потом, ещё целый месяц впереди. Лёша придирчиво оглядел чертёж. Красота!!! Ровненько, аккуратно, ну загляденье. Однозначно должны поставить 5. Он был страшно горд собой. Выполнить такую работу, возможно, не подвиг, но что-то героическое в этом точно есть.

Лёша бережно свернул драгоценный ватман и осторожно засунул в тубус. Закинув его через плечо, в расчудесном настроении он слетел вниз по лестнице и направился в сторону метро по майским василеостровским улицам. Ехать ему предстояло недалеко: три остановки до «Петроградской». И от метро до здания ЛЭТИ ещё километр пешком. По хорошей погоде – одно удовольствие! В голове звучали песни «Аббы», солнышко пригревало, впереди его ждала заслуженная пятёрка – жизнь была однозначно прекрасна!

По пути к институту на Петропавловском мосту через реку Карповку он встретил одноклассника Игоря Литвиненко, который, облокотившись на перила, тоже наслаждался жизнью, параллельно втягивая в себя сигаретный дым. Лёша остановился обсудить последние институтские новости. Курить он не курил, а вот поболтать со знакомыми всегда был

рад. Аккуратно прислонив тубус к чугунной решётке, начал в красках рассказывать про новый альбом «Аббы» (который, конечно же, новым был только в Советском Союзе, остальные жители планеты наслаждались им уже несколько лет). Игорь слушал внимательно, музыкальные новости занимали его явно больше учебных вопросов. Не выпуская сигарету изо рта, он подтянулся на руках и, взмахнув ногой, сел на перила. Тубус вздрогнул, проскользнул в отверстие решетки, полетел вниз и плюхнулся в воду.

Глаза Лёши расширились. Он посмотрел вниз: среди потоков канализации, мусора и обычной питерской грязи результат его тяжких трудов, мучений и невероятной силы воли медленно уплывал в сторону Финского залива.

Что делать?! В состоянии аффекта Лёша бросился в ближайшую парадную, позвонил в первую попавшуюся дверь и открывшей ему женщине сходу выпалил:

– Пожалуйста, дайте мне верёвку, срочно!!!

Женщина остолбенела, приняхалась. Пожала плечами. Вроде не пахнет. С сомнением произнесла:

– Какую ещё верёвку?

– Да у меня там по Карповке курсовик в тубусе плавёт, мне надо срочно его достать, помогите!

Кажется, из сбивчивого объяснения женщина ничего не поняла, но посмотрела на Лёшины безумные глаза, высокий рост и крепкие плечи и решила отделаться от странного гостя максимально простым путём: пошла на кухню и принесла моток верёвки. У Лёши даже не было времени обрадоваться своей невообразимой удаче, он лишь крикнул «Спасибо!» и исчез в двери парадной.

Выбежав на набережную Карповки, горе-студент оценил обстановку: тубус, к счастью, уплыл недалеко. Быстро прикинув скорость движения и расстояние до Малой Невки, в воды которой должен был выйти новоиспечённый кораблик, Лёша медлить не стал. Нашёл ветку, привязал к верёвке и стал методично забрасывать своё изобретение в воду, пытаясь подтянуть тубус к берегу. Задача оказалось не самой простой. Ветка то перелетала, то не долетала, то соскакива-

ла, а тубус, мечтая о большом плавании, продолжал упрямо продвигаться в сторону Финского залива. Нет уж, дудки! Лёша не менее упрямо шёл за ним вдоль набережной, вновь и вновь повторяя попытки спасти итог двух месяцев своей жизни.

Наконец ему всё же удалось подтянуть тубус к гранитным берегам речки, но это была только половина дела. Как его теперь оттуда достать? С набережной до воды не дотянешься. Лёша огляделся. Впереди виднелись каменные ступени. Спуск к воде! Он направил свой весенний кораблик в том направлении. Сбежав по лестнице, выхватил из воды тубус, нетерпеливо открыл крышку и перевернул вверх дном. Из тубуса вылилось ведро грязной, вонючей воды.

Под барабанный аккомпанемент сердца Лёша развернул мокрый ватман. Карандашный чертёж был частично размыт, частично поблёк, а кое-где вообще едва различим. Вместо него ватман украсили большие жёлтые разводы.

Лёша сел. Поднял голову к тёплому весеннему солнцу. Вдохнул. Разложил чертёж прямо там, на ступеньках, стал его сушить и думать о человеческой судьбе. Оба процесса заняли час. Теперь работа была, конечно, сухой, но её внешний вид от этого выиграл несильно. Лёша аккуратно свернул ватман, засунул в тубус и направился в институт. «Абба» из головы куда-то исчезла.

Что теперь делать – он не понимал. Переделывать с нуля? Так он его два месяца чертил, а тут до сессии осталось все-

го ничего! Сдавать так? Преподаватель его убьёт. По дороге он встретил двух одноклассниц и решил провести эксперимент и проверить реакцию неподготовленных зрителей. Посмотрев на творение Лёши, подправленное водами Карповки, девушки округлили глаза и издали странные звуки: то ли вскрикнули, то ли всхлипнули. Плохой знак.

– Лёша, это нельзя показывать Панчурину! Ни в коем случае! Это просто кошмар! Тебе придётся переделать! – наперебой увещевали они его.

Лёша вздохнул. Свернул ватман. И направился напрямиком в аудиторию.

Павел Николаевич Панчурин, преподаватель начертательной геометрии, сидел и проверял студенческие работы. Относительно среднего возраста институтских профессоров он был достаточно молодым, можно сказать, даже юным – ему было всего пятьдесят лет. Правда, с точки зрения девятнадцатилетнего Лёши, что пятьдесят, что семьдесят, что сто – это было где-то рядом, глубокая старость, в общем.

Лёша решительным шагом вошёл в аудиторию. Развернув совместное с Карповкой творчество, он всё прямо и открыто рассказал судье и палачу в одном лице. Бровь судьи поползла вверх, бровь палача опустилась вниз. За десять лет преподавания профессор, конечно, видел немало. Но такое...

– Алексей, Вы вообще себе представляете, как я могу это принять?!

– Павел Николаевич, простите, но переделывать это я не

в состоянии. Делайте, что хотите. Хоть убейте.

С трудом подавив желание последовать совету студента, Павел Николаевич покачал головой.

– Давайте зачётку.

Лёша протянул маленькую синюю книжечку и, загляды-
вая через плечо, прочитал заветные пять букв: у-д-о-в-л. Он
выдохнул с облегчением. Это была первая тройка в его за-
чётке, но отнюдь не последняя.

Любовь

Лёша

Лёша сидел на лекции по физике полупроводников и пытался не заснуть под занудный голос преподавательницы. Тихий оркестр учебной аудитории ЛЭТИ на улице Профессора Попова, как назло, словно напевал колыбельную. Негромко стучал мелок по доске:

«Тук-тсссссс-тссссс-тук-тсссссс-тссссс...» Мерно поскрипывали сто шариковых ручек по тетрадным листам: «Пшшшшшш-пшшшшш...» Тихими литаврами впереди кто-то перешёптывался. За окном далёким гобоем гудел февральский ветер. Как будто специально все сговорились усыплять студентов.

Учиться совершенно не хотелось. Хотелось кататься на коньках или пойти в кино. Причём желательно не одному, а с девушкой. Какой-нибудь. Как так получилось, что к четвёртому курсу Лёша оставался один – загадка. Ни жадные взгляды однокурсниц, ни слёзные любовные письма, подсунутые в портфель, ни милый взгляд, ни вздох нескромный... В общем, ничто его не трогало, ничего он не замечал. Ну и в самом деле, какие вздохи, когда тут то спорт, то бары,

то друзья, то турпоход, то отцу помогать машину чинить, то этот чёртов курсовик по инженерной графике... В общем, не до девушек совсем было.

Нет, в принципе девушки Лёше нравились. Ленка Ловыгина, например, из 856-й группы. Они учились на одном потоке. Группы практически ничем не отличались, ну, кроме размера стипендии. Лёшиной 854-й военная кафедра доплачивала аж пятнадцать рублей, и стипендия выходила целых пятьдесят пять рублей даже с тройками в зачётке. С какой радости именно их группе доплачивали, Лёша за время учебы так и не понял, но секретную информацию о повышенной стипендии выдала очарованная им тётенька из приёмной комиссии, и тот при распределении не преминул воспользоваться ценными сведениями.

Ленку он давно заприметил. Симпатичная, стройная, кошица – ух! До не самых приличных для разглядывания мест. Опять же круглая отличница. А значит, девушка умная. Наверное. Учились они на одном потоке, так что на лекциях пересекались почти ежедневно, а вот на практических занятиях группы разделяли, поэтому их знакомство было шапочным. Лёша на Лену поглядывал, но до решительных действий было всё никак не дойти, потому что... Бары, друзья, отцовская машина... Ну, вы помните. Один раз судьба даже попыталась подсобить нерешительному парню. Столкнула их в метро. Вообще, они оба жили на Васильевском острове. Правда Лёше надо было выходить на

«Василеостровской», а Лена ехала дальше, до только что открывшейся станции «Приморская». Но несколько остановок они всё же должны были ежедневно проезжать по одному маршруту туда и обратно! Удивительно, что за четыре года в метро они столкнулись лишь однажды. Лёша, надо заметить, не растерялся. Растеряться – это в принципе было не в его характере. Подошёл, заговорил, взял телефон. И он действительно собирался позвонить, честное слово! Но всё как-то

не до того было... То друзья, то бары, то отцовская машина, то курсовик...

Одним словом, к середине четвёртого курса Лёша, староста группы, бригадир стройотрядов, спортсмен, красавец и комсомолец всё ещё оставался один. А вокруг столько симпатичных девочек... Лёша мечтательно оглядел аудиторию.

– В этом семестре у вас будет большая курсовая работа, – неожиданно изменив интонацию так, чтобы проснулась даже «камчатка», возвестила преподавательница. – Работа очень серьёзная, прошу подойти со всей ответственностью. Считайте, что это подготовка к диплому, который ждёт вас через год.

В аудитории послышался обречённый гул.

– Вам раздадут темы по группам. Старосты, пожалуйста, подойдите после лекции ко мне.

У Лёши тут же созрел план. Внутри групп темы у всех разные. Но групп-то четыре! А значит, у него будет одинако-

вая тема с тремя другими студентами их потока. Надо будет найти тех, кому попалась та же тема, и объединить усилия. Вместе писать курсовик всяко проще и быстрее. Лёша вообще был выдающимся оптимизатором.

– Эй, Олег! – подловил он на перемене старосту другой группы. – Дай посмотреть список, кому какая тема у вас досталась?

– На, а зачем тебе?

– Ну как зачем, чтобы вместе курсовик писать, так же проще, – Лёша пробежал глазами список тем с фамилиями напротив каждой и вдруг застыл.

Не может быть! Вот же совпадение! Нет, просто невероятно! Вот и не верь после такого в судьбу! Рядом с Лёшиной темой было написано

«Ловыгина Е. Г.».

В судьбу Лёша, конечно, всё равно не поверил. Он же разумный человек, материалист до мозга костей. Но Лене всё-таки позвонил в тот же вечер. Вот и пригодился взятый год назад в метро телефон.

– Алло! – слышался на том конце Ленин голос.

– Лена, привет, это Лёша Морозов!

– Лёша?! – радостно и чуть удивлённо воскликнула она. Лёша представил себе её счастливые, распахнутые глаза и улыбнулся сам себе. Всё-таки приятно выполнять обещания.

– Представляешь, нам с тобой одинаковая тема курсовика

по физике полупроводников выпала!

– Да? Ничего себе! – в голосе послышалась нотка надежды.

– Я предлагаю: давай писать вместе? Так же проще будет. Часть – ты, часть – я... В общем, для экономии времени.

– А, да?.. – голос на том конце провода чуть растерялся. – Давай, конечно.

– Тогда завтра встречаемся в библиотеке после пар? Давай! – радостно ответила Лена.

– Отлично, до завтра! – сказал Лёша и очень довольный собой положил трубку. Какой он всё-таки молодец, как здорово всё придумал!

На следующий день, как и договаривались, Лёша с Леной встретились в институтской библиотеке. На удивление они действительно начали писать курсовик, обложившись со всех сторон толстыми учебниками. Правда, оказалось, что вдвоём это делать ничуть не интереснее, чем одному. Ни музыку не включить в библиотеке этой вашей, ни даже поговорить нормально нельзя: сразу библиотекарьша – небось ровесница самого Попова – начинала неодобрительно шипеть, вращая глазами. Нет, в такой атмосфере писать курсовик совершенно невозможно. Мужественно вытерпев целую вечность, а точнее неделю, Лёша не выдержал:

– Эй, Лен! – перегнувшись через стол, шёпотом позвал Алексей.

Лена оторвала глаза от книги и посмотрела на Лёшу.

– А давай завтра лучше будем писать курсовик у тебя дома, а? Там... эम्म... удобнее будет.

– Лена просияла и чуть покраснела от застенчивости.

— Давай, – сказала она.

На следующий день у Лены дома им было совсем не до курсовика.

Лена

Лена сидела на лекции по физике проводников и старательно записывала всё, что говорила преподавательница, силясь не пропустить ни слова. Как назло, сзади девчонки из параллельной группы о чём-то перешёптывались и ужасно мешали сосредоточиться. Какое безобразие! Зачем ходить на лекции, если не слушаешь преподавателя и болтаешь с подружкой! Поболтать можно и в столовой, вместо того чтобы мешать учиться тем, кто хочет это делать.

Лена была круглой отличницей. К середине четвёртого курса у неё в зачётке не было ни одной четвёрки. Она была лучшей ученицей потока и не собиралась снижать планку. Естественно, ей было совершенно не до мальчишек.

Нет, ну если уж совсем честно, то с самого первого курса она была тайно влюблена в однокурсника. Тот, наверное, так об этом и не узнал. Любовь закончилась неожиданно: в конце третьего курса предмет Лениных грёз отчислили за неуспеваемость. И та, в лучших пушкинских идеалах, решила, что будет страдать и ни на кого другого, конечно же, даже не смотреть.

Лёшу Морозова она, естественно, замечала. Его сложно было не заметить. Высокий, широкоплечий, красивый, харизматичный. А какой оратор! Как-то на комсомольском собрании он вышел на сцену и взял слово. Пожалуй, это был

единственный раз на подобном мероприятии, когда было действительно интересно слушать и не хотелось смотреть на часы через каждые пять минут, мечтая убежать гулять с подругами.

Или, например, на втором курсе. Отправили их осенью в Ленобласть, как водится, картошку собирать. Лена с Никой лучше всех в своей бригаде работали, честное слово! Почти не отдыхали, быстрее всех норму делали. И что вы думаете? Вечером хвастаются остальным ребятам, и оказывается, что у Морозова в бригаде такую же норму выполняли все! Пока Ленина бригада ещё первую норму заканчивала, бригада Морозова уже вторую вовсю делала! Как он их сумел так организовать? Непонятно. Их с Никой бригадир, Андрей Иванов, всю ночь гулял, а потом днём носом клевал между бороздами. Какая уж тут стахановщина. Лена этому соне так и говорила: «Ты посмотри, Морозов уже вторую норму выполняет, а ты дрыхнешь!» В результате, конечно, бригаду Морозова ещё и отпустили на трое суток раньше. В общем, про Морозова на их курсе знали все.

Лена, конечно, видела, что тот на неё поглядывает. Ну а толку-то? Вон, год назад взял в метро телефон и так ни разу не позвонил! Зачем записывал?.. А недавно начал приударять за Надькой, в театр её даже пригласил. Так что ну его, Морозова этого. Да и вообще не до мальчишек. У неё, вон, курсовик сложный.

Когда Лёша вдруг позвонил, Лена очень удивилась.

– Лена, привет, это Лёша Морозов!

– Лёша?! – недоверчиво спросила она.

– Представляешь, нам с тобой одинаковая тема курсовика по физике полупроводников выпала!

– А-а-а... Да? Ничего себе! – начиная понимать, к чему тот клонит, протянула Лена.

– Я предлагаю: давай писать вместе? Так же проще будет. Часть – ты, часть – я... В общем... ну... для экономии времени.

– Ну... Давай, конечно, – Лена едва сдерживала хихиканье. Как же, курсовик он писать собрался. Как бы не так. Ежу понятно, не курсовик ему нужен.

– Тогда завтра встречаемся в... библиотеке после пар?

Лена ещё раз подавила хихиканье. Интересно, он хоть знает, где находится библиотека. Но Лёше только сказала безразличным тоном:

– Давай.

– Отлично, до завтра! – сказал Лёша счастливым голосом.

Лена положила трубку. Ну, всё с ним ясно. Курсовик. Ага.

В библиотеке, ожидаемо, Лёша изводился. И сам курсовик не писал, и Лене мешал сосредоточиться. Продержался ровно два дня и напросился в гости. Естественно! В библиотеке же неудобно целоваться.

Лёша

– Пару отменили!

– Да ладно!

– Ур-р-ра!

854-я группа ликовала. Сообщивший

бесценную информацию староста Лёша чувствовал себя вестником победы. Приятно нести людям хорошие новости. Последняя пара на сегодня, и, надо же, так удачно получилось. От неожиданно свалившейся свободы Лёша даже немного растерялся. Чем бы заняться? Домой ехать не хотелось. Погода была чудесная – весенняя. Настроение – летнее. Надо пойти погулять! У Лены, правда, как назло, пар сегодня не было вообще, и она наверняка была дома. Но не зря же существует прогресс! Сейчас он быстро всё решит.

Лёша подошёл к телефонному автомату в институте, пожертвовал двумя копейками и позвонил по номеру, который уже выучил наизусть.

– Лена, привет! Это Лёша!

– Привет! – послышался знакомый голос на том конце провода.

– Слушай, у нас тут последнюю пару отменили. А погода такая классная! Пойдём гулять?

– Давай! – обрадовалась Лена.

– Отлично! Помнишь скамейку в Ботаническом саду, где мы с тобой сидели?

– Помню, конечно!

– Вот и замечательно! Буду тебя там ждать!

– Хорошо, договорились. Я соберусь и приеду.

Лёша повесил трубку, страшно довольный собой. Как здорово он за две копейки всё организовал. Всё-таки шикарная штука – технический прогресс. Вот во времена молодости его родителей домашние телефоны были редкостью и попробуй свяжись с человеком! А теперь это совершенно обыденная штука, которая есть почти у всех. В какое прекрасное время живёт их поколение!

Лёша посмотрел на часы и прикинул планы. Так, пять минут Лене на сборы. Хотя, нет. Это ему пять минут на сборы, а она всё-таки девочка. Пусть будет десять. Ладно уж, десять минут выбрать платье и ещё десять минут накраситься, или чем там ещё девочки занимаются перед свиданиями? Итого двадцать. Ещё двадцать минут ей ехать до Ботанического сада. То есть через сорок минут она должна приехать. Ну, ладно, ещё накинем десять минут, девочки медленно ходят на своих каблуках. Но Лёше всё равно надо быть раньше, как джентльмену, хотя бы минут на десять. В общем, времени у него всё равно было с запасом. Он поболтал с задержавшимися одноклассниками и нога за ногу пошёл к месту встречи. Ботанический сад находился прямо напротив здания института. Заняв скамейку ровно через тридцать минут после

звонка, страшно довольный свой неизменной пунктуальностью, пригревающим солнышком и тем, как здорово всё придумал, он начал ждать Лену. Эх, жаль, книжку с собой не взял. Сидеть десять-пятнадцать минут совсем без дела – это непросто. Не конспекты же читать, в самом деле. Придётся так ждать. Ну, ничего. Недолго осталось. От безделья можно, например, спланировать, чем они будут заниматься: сначала погуляют по саду, потом зайдут в кафе... Лёша начал вспоминать, какие кафешки есть в округе. Так десять минут и прошли.

Правда, через десять минут Лена не пришла, но Лёша не волновался. Были ещё запасные десять минут на случай, если она надела каблуки. Но Лена не появилась и через эти десять минут. И через двадцать. И через полчаса. Лёша сидел на скамейке, как дурак, и совершенно не понимал, что ему делать. Телефона в Ботаническом саду не было: чтобы позвонить, надо было вернуться в институт. Но в это время могла прийти Лена, поэтому уйти со скамейки Лёша не мог. Заняться было совершенно нечем. Прошёл час, а Лены всё не было. Лёша успел передумать всё на свете. Может, она решила его бросить? А может, с ней случилось что-то ужасное? А может, она не поняла, где он будет её ждать, и ждёт в другом месте?

Лёша продолжал сидеть. Вокруг, переговариваясь и беспечно смеясь, прогуливались студенты. Быстро и очень сосредоточено, почти не глядя по сторонам, куда-то спешили

серьёзные мужчины с портфелями. Звонко вереща на всю округу, пропрыгивали мимо дети, уворачиваясь от догоняющих их мам. Тени от деревьев смещались всё левее и левее, становились всё длиннее и длиннее. А Лёша всё сидел, прикованный к скамейке своей ответственностью.

Лена появилась через три часа. Улыбающаяся, нарядная, красивая, на каблуках, она лёгкой походкой шла по аллее к скамейке так, как будто ничего особенного не произошло и со звонка не прошла целая вечность. Лёша смотрел на неё выпучив глаза. Он был в таком шоке, что даже не мог сердиться.

– Ты где была столько времени? – спросил он совершенно спокойным тоном.

– Так я же сказала, что мне надо собраться! – беспечно улыбаясь, ответила Лена.

Лёша вздохнул. Проглотил все несказанные слова. И пошёл гулять с Леной по Ботаническому саду.

Лена

Лена проснулась поздно. Она вообще была соевой и по возможности отсыпалась в те редкие дни, когда не надо было нестись ни свет ни заря в институт. Ей не мешало даже то, что окна выходили прямо на восток, и утреннее солнце заливало всю комнату. Она ещё немного повалилась в кровати, затем прошлёпала на кухню прямо в ночной рубашке. Всё-таки приятно быть дома одной. Родители на работе, младшая сестра Ритка в школе. Наконец можно не спеша позавтракать с книжкой в руках без чьих-либо нравоучений и ворчания.

Неожиданно раздался звонок. Странно, в такое время обычно никто не звонил. Она взяла трубку – Лёша!

– Слушай, у нас тут последнюю пару отменили. А погода такая классная! Пойдём гулять?

– Давай! – обрадовалась Лена.

– Отлично! Помнишь скамейку в Ботаническом саду, где мы с тобой сидели?

– Помню, конечно!

– Вот и замечательно! Буду тебя там ждать!

– Хорошо, договорились. Мне только собраться надо, и потом я приеду.

Лена времени не теряла. Быстро побежала в душ. Думала, мыть голову или нет. Решила не мыть. Сушить её копну во-

лос долго. Там всё-таки молодой человек ждёт. Затем быстро погладила платье. Причесалась. Накрасилась. И сразу же вышла из дома. Дошла до метро. Проехала две остановки, пересела на другую ветку,

проехала ещё две станции. Потом пешком до Ботанического сада минут десять. Какая Лена всё-таки молодец, всего каких-то два часа – и она на месте!

Правда, Лёша этой потрясающей скорости, похоже, не оценил. На скамейке её ждал человек с выпученными глазами, волосами дыбом и совершенно мученическим, почти тициановским видом.

– Ты где была столько времени?! – закричал он так, как будто бы ждал трое суток на скамейке без еды и воды.

– Так я же сказала, что мне надо собраться! – как маленькому, объяснила Лена.

Лёша посмотрел на неё, словно она римский легионер и только что его из лука расстреляла. Вечно эти мужчины делают из мухи слона. А она, между прочим, даже голову ради него не помыла!

Лёша

Лёша проснулся в замечательном настроении. Сессия была закрыта, зачётка ушла в летнюю спячку в ящик письменного стола, в окно светило июньское солнце, впереди ждали месяцы, полные удивительных событий (а каким ещё может быть лето, когда тебе 21 год?). В такое прекрасное утро нестерпимо хочется сделать что-нибудь эдакое. Что-нибудь нестандартное. Удивительное. Хочется пошалить. Например, нарвать сирень с куста и залезть в окно к любимой в белых брюках.

Спросонья идея показалась Лёше на редкость удачной. Ну в самом деле, что это он всё звонит да звонит. Надо сделать сюрприз! Лёша представил счастливые, удивлённые глаза Лены и не стал медлить. Медлительность вообще была не в его характере. Белые брюки в шкафу имелись. Сирень на кустах тоже. Так чего время терять? Он вскочил, надел белые брюки и понёсся на крыльях юношеской неопытности к чертогу любимой. Прибыв на место и здраво оценив обстановку, решил, что в окно восьмого этажа всё-таки не полезет, но сирени с куста нарвал. Можно было, конечно, и купить. Но это не так романтично! А вот добыть её в неравном бою с раскидистым кустом – очень даже.

Сияя юношеским задором и белизной брюк, в ожидании восторга дамы сердца Лёша позвонил в звонок. Услышал

знакомые шаги по ту сторону двери, заметил, что в глазок кто-то посмотрел. Лёша замер и приготовился услышать радостные восклицания.

— Чего тебе? – донеслось из-за двери.

Лёша немного растерялся. Может, глазок сломался?

– Это же я, Лёша! Я пришел к тебе с приветом... И принес тебе сирень! – улыбка всё ещё не сошла с его лица.

– Я тебе не открою, – отрезали по ту сторону крепостной стены.

Лёша рассмеялся. Девушка с чувством юмора – это хорошо.

– Ладно, цветы завянут, открывай давай.

– Сказала же: не открою.

До Лёши наконец начало поступенно доходить, что это не шутка и не розыгрыш и что ворота крепости останутся закрытыми.

– Почему не откроешь? – в полнейшей растерянности спросил он.

– Потому что я не готова.

– К чему не готова? Чтобы я тебе цветы подарил?

– Тебе этого не понять.

Лёша действительно ничего не понимал. К нему тоже иногда неожиданно приходили друзья. И он прекрасно знал, сколько секунд требуется, чтобы одеться, если неожиданный гость застает тебя в трусах. Что могло случиться с Леной, чтобы она была не готова, Лёша не мог представить.

– А как же цветы? – с робкой надеждой на довод, который должен тронуть сердце любой женщины, спросил Лёша. За крепостной стеной воцарилось молчание. Думает. В сердце рыцаря поселилась надежда.

– Давай я сейчас приоткрою дверь, ты мне просунь в щёлку цветы, но только не заглядывай внутрь, – услышал он вердикт.

Дверь действительно приоткрылась на ширину цепочки. Лёша, как настоящий джентльмен, в щель заглядывать не стал, вывернув руку, просунул туда погрузневший букет. Прямо как туалетную бумагу через дверь санузла передавал. Букет исчез, дверь захлопнулась. Лёша понял, что романтическое свидание закончилось, повернулся и, сверкая белыми брюками, зашагал на улицу.

Лена

Лена проснулась и, потягиваясь, валялась в кровати. Несмотря на то, что сессия была позади, а лето, напротив, впереди, настроение было не очень. Совсем недавно в её идеальной зачётке появилась первая противная четвёрка! Естественно, за тот самый курсовик, который они писали вместе с Лёшей. Ну как вместе... Писала она одна, в оставшиеся от постоянных встреч редкие часы. Иногда, правда, Лёша делал перерыв в свиданиях, чтобы Лена могла хоть немного заняться учёбой. Конечно, надо же будет с кого-нибудь списать, очень предусмотрительно. В результате – четвёрка в зачётке у Лены. А у Лёши так вообще трояк. Но у него он хотя бы не единственный.

Неожиданно раздался громкий звонок в дверь. Так рано? Очень странно! Кто бы это мог быть? Полусонная Лена прошлёпала босыми ногами к двери. Посмотрела в глазок. Сразу проснулась окончательно. Стоит. С сиренью, в белых штанах. Во даёт! И о чём только думает!

– Ты чего так рано и без звонка? – удивилась Лена через дверь.

– Сирень принёс! – самодовольно ответил тот, светясь, как будто голову дракона срубил, не меньше.

– Я не могу тебе открыть! Я не готова! – попыталась спустить его на землю Лена.

– К чему не готова? Чтобы я тебе цветы подарил?

Кажется, он не верил, что Лена ему действительно не откroет. Ох уж эти мужчины. Приезжают на белых конях спасать из высокой башни и совершенно им невдомёк, что процесс предупредить о визите надо заранее. Им вообще-то надо помыться, причесаться, погладить платье, одеться, накраситься... Ну странный, как будто в казарме живёт, а не в одной квартире с сестрой.

– Лёша, погуляй, пожалуйста, полчаса. Я соберусь и пойдём гулять.

– Даже в глазок было видно, что горящий взгляд принца-освободителя потух. Так и ушёл с сиренью гулять и ждать, пока Лена соберётся.

Североморск

Алексей вышел из метро «Площадь Восстания». Летний горячий город тут же обдал его пыльным жаром. Невский проспект гудел, как карбюратор под капотом старенького отцовского «москвича».

Июнь на пару с июлем 1986 года ленинградцев не порадовали: хорошая погода установилась только к середине лета. И, в связи с её исключительной редкостью в местных широтах, на улицах города моментально установилось особенное, праздничное настроение, знакомое только ленинградцам. Вот ведь какая штука: никогда в южных городах не встретишь такой атмосферы погодного праздника. Ну в самом деле, какая им разница, если у них солнце 360 дней в году? Разве может быть запрограммированное, ожидаемое, запланированное счастье? Не-а! То ли дело Ленинград. Продрогшие горожане ждут солнца и тепла одиннадцать месяцев в году, а уж дождавшись, не портят эти дни плохим настроением. Одна беда с этой хорошей погодой: когда на улице такой праздник, настрой ну совершенно не рабочий.

Алексей взглянул на огромную красную ленту над самым входом в метро. На ней красовались большие белые буквы, складывавшиеся в немного несуразную фразу:

«ЛЕНИНГРАДЦЫ! ШИРЕ СОРЕВНОВАНИЕ ПОД ДЕ-

ВИЗОМ: «РАБОТАТЬ ЭФФЕКТИВНО И КАЧЕСТВЕННО!» – и вздохнул. Работать в такую жару не хотелось совсем, тем более эффективно. А отпуск свой Алексей, как назло, в этом году уже отгулял.

Он бодро прошагал мимо новенького, только год назад установленного обелиска, закручивавшего вокруг себя водоворот машин, нырнул на Гончарную улицу и подошёл к старому, посеревшему от ленинградских будней дому №21. Впрочем, привычного любому человеку тёплого предвкушения родного порога у Алексея нынче не было: дома его никто не ждал. Жена Лена с маленькой дочкой Дашей, которой было всего полгода, лето проводили на даче у тётки. Мать с отцом уехали в деревню. Домашнего животного в квартире Морозовых не имелось. А Алексей, к сожалению, обладал достаточно редким качеством: не любил одиночество... И самому себе готовить ужин.

Он зашёл в парадную, в нос ударил запах прохладной сырости. Машинально, привычным жестом открыл почтовый ящик. Дверца жалобно скрипнула и выдала Алексею пачку макулатуры. Тот сгрёб содержимое ящика в кучу и, не разбирая, стал подниматься по лестнице на последний, четвёртый, этаж. Открыв дверь, Алексей разулся, бросил бумаги на стол и открыл холодильник. Вздохнул, достал докторскую колбасу, масло, хлеб и водрузил их друг на друга. Зажав сей кулинарный шедевр зубами, открыл окно, впустил не очень свежий воздух с примесью транспортного шума, опёрся лок-

тями на подоконник и, активно двигая челюстями, стал наблюдать за жизнью каменного муравейника.

Квартиру на Гончарной они получили сравнительно недавно путём хитрого обмена. До этого у семьи Морозовых была прекрасная, просторная квартира на Васильевском острове. Но на семейном совете было принято решение выделить комнату старшей сестре Алексея, Алёне, и начался увлекательный процесс общения полушёпотом с маклерами, поиска квартир для обмена, сложных схем, достойных лучших математических умов. И вот Морозовы оказались в самом центре Ленинграда, в трёхкомнатной квартире на последнем этаже. Центральный район это, конечно, с одной стороны, хорошо и удобно, но с другой – ужасно пыльно и шумно. Так считала Лена. Алексей ничего не считал, он прекрасно спал и шума совсем не замечал. А повседневная суета центральных улиц ему даже нравилась...

Эх! Вот бы сейчас в отпуск! Ну хоть на недельку! Пойти гулять по летнему Ленинграду, а потом рвануть к семье на дачу... И почему у советского человека отпуск всего четыре недели?! Какая несправедливость! Отпуск на государственном уровне просто обязаны давать в дни, когда столбик термометра поднимается выше

двадцати восьми градусов. Уж в Ленинграде точно. Как в детстве – освобождение от школы при минус тридцати пяти. А для взрослых – освобождение от работы при плюс тридцати. А что? Справедливо. Бутерброд удивительным обра-

зом исчез, и Алексей вернулся к холодильнику, чтобы сделать ещё парочку.

На столе так и лежала неаккуратная почтовая кучка. Алексей сел и начал не спеша разбирать, чем сегодня его порадовал почтальон. Письма, газеты, квитанции... Это маме, это папе, это Лене – рассортировывал Алексей. Так. А это что такое?

Глаза кольнуло как от свежепорезанного лука. Маленький жёлтый листочек буквально выплюнул ему в лицо слово: «ПОВЕСТКА». Алексей отложил все другие бумаги, сглотнул и прочёл:

«Гражданину Морозову Алексею Викторовичу,
проживающему по адресу: г. Ленинград, Гончарная ул., д.
21.

ПОВЕСТКА

На основании Закона СССР «О всеобщей воинской обязанности» Вы подлежите призыву на 30-дневный учебный сбор в военно-морские войска. Приказываю Вам явиться в Военный комиссариат Центрального района города Ленинграда по адресу: ул. Чайковского, 53.

Полковник Морозов И.И.»

М-да... Только этого не хватало. Вообще-то Алексей имел в виду совершенное другое, когда мечтал об отпуске. Но

неистошимый оптимизм, сдобренный прекрасной погодой, раскиснуть не дал. «Полковник Морозов – это хороший знак!» – подумал он и отправил в рот второй бутерброд.

В институте у Алексея была военная кафедра, и уже два с половиной года, как он состоял в звании лейтенанта запаса. И уже два с половиной года, как он работал инженером во ВНИИ телевидения. И уже два года, как он был женат. И уже семь месяцев, как был отцом. Сборы

в эту картину не вписывались никак. Ну, ничего. Морозов Морозова всегда поймет. Он объяснит этому «И.И.» сложившуюся ситуацию, и ему, Алексею, наверняка пойдут навстречу.

Утром он поехал в военкомат и выплеснул на товарища Морозова всё своё недюжинное красноречие, упомянув между делом, что жена с маленьким ребёнком живут на даче без удобств, и кто же им будет возить продукты, кроме него... Понимаете, товарищ полковник?

– Да я всё понимаю, Алексей Викторович, но не могу я Вам дать отсрочку. Дело государственной важности. Учения проходят по всей стране, сейчас всех призывают, сами понимаете, какая ситуация. За один месяц ничего ни с Вами, ни с Вашей семьёй не случится. Поедете в Североморск.

Однофамилец Алексея оказался непреклонен и протянул ему предписание явиться к пункту отправления через два дня.

Алексей не понимал, какая такая ситуация, но сопротив-

ляться не стал. Во-первых, надо – значит, надо. Раз уж дело государственной важности. Государству оно виднее. Алексей же патриот, в конце концов. А во-вторых, к большому удивлению, про существование города Североморск Алексей не просто знал, а даже представлял примерно, где тот расположен. Дело в том, что именно туда, в Североморск, уехал служить офицером его лучший институтский друг. Более того. Месяц назад Олег прислал приглашение на свадьбу, которая должна была состояться вот как раз совсем скоро, в августе. Да не просто приглашение, а просьбу стать свидетелем! Увы, Алексей был вынужден отказаться: отпуска у него больше не оставалось, и с работы его, конечно же, никто не отпустил бы, даже ради свадьбы лучшего институтского друга. Он пожелал Олегу всего самого наилучшего и практически забыл об этом. Пока вдруг не увидел, что именно туда, именно в августе его и посылают на сборы. Конечно, увидеться им всё равно не удастся, это было совершенно очевидно. Сборы – дело серьёзное, Алексей будет служить на корабле, и просто так его в увольнительную никто не пустит. Но всё равно, согласитесь, удивительное совпадение и явно хороший знак.

В военном столе института, правда, хорошего знака здесь не увидели, но к сложившейся ситуации отнеслись с пониманием. Алексея отпустили отдать долг Родине и объявили, что ждут его через месяц – 1 сентября. Всего хорошего, гражданин.

В назначенный час Алексей был на Московском вокзале с вещами. Благо, от дома идти три минуты вразвалочку. К его большому удивлению, таких же бедолаг набралось не более дюжины, да и то два краснощёких, пыщущих здоровьем молодца протянули офицеру справки с освобождением по медицинским показаниям. Позеленевший от гнева офицер поскрежетал зубами, поиграл желваками, посмотрел на находчивых парней взглядом, полным концентрированного презрения, но сделать ничего не мог: отпустил несознательных граждан. Те широко улыбнулись и исчезли в неизвестном направлении.

«Вот же ж! А чего я-то не додумался!» – отругал себя Алексей и направился к поезду с другими такими же недогадливыми. Ехать до пункта назначения предстояло больше суток в плацкартном вагоне. Впрочем, путь скрасила бутылка коньяка, заботливо взятая одним из новых соратников.

– Мужики, у меня и вторая припасена, – пытался вселить бойкий офицер запаса оптимизм в своих приунывших товарищей. – Вот приедем на место и отпразднуем начало службы!

– Да ну, а заметит командир корабля? Там с этим строго должно быть, – с сомнением протянул кто-то.

– Ну, мы тихонько, авось не заметит.

Североморск встретил новобранцев прохладой и ветрами. Совсем юный город, выросший за семьдесят лет с тринна-

дцати жителей до пятидесяти тысяч, спустился к Кольскому заливу совершенно одинаковыми, как ступеньки лестницы, панельными домами. Все-таки правильно, что тридцать лет назад его переименовали. Старое название – Ваенга – только вводило в заблуждение незадачливых путешественников. Мягкое, женское, загадочное, оно ласково обещало сказочные дали и шаманские истории у тёплого очага. Зато новое, мужское, жёсткое, холодно отрезало, как будто бы даже отчитывало: «Вы на краю света. Разговор окончен».

На вокзале ждал продрогший офицер, отвечающий за распределение прибывших к месту учебных сборов. Хмуро, по-северному поприветствовав приезжих южан, свалившихся на его голову, он повёз их к месту службы: на длинную пристань, охраняемую неусыпным оком семнадцатиметрового памятника героям-североморцам, которого местные ласково звали «Алёшей». Ещё один хороший знак, не иначе!

К набережной, тесня друг друга, как котята около мамки, было пришвартовано множество военных кораблей. Сопровождающий офицер уверенной походкой направился к одному из них, обратился к матросу на вахте с просьбой позвать командира корабля и бойко отрапортовал, когда тот появился:

– Здравия желаю, товарищ командир! Привёл десять офицеров запаса для участия в учениях на военных сборах.

Повисла секундная пауза, в течение которой с командиром корабля прямо на глазах потрясённых новобранцев про-

изошли удивительные метаморфозы. За секунду он побелел, покраснел, выпучил глаза, налитые яростью, сжал кулаки и, брызгая слюной, заорал на всю набережную так, что даже «Алёша», кажется, услышал:

– Ни одного не возьму!!! В шею гоните их! Мне эти «партизаны» вот где, вашу мать! Не мешайте работать!

Офицер остолбенел, взял паузу в несколько секунд, и продолжил чуть менее бойко:

– Товарищ командир, есть предписание распределить офицеров запаса на Ваш корабль. Вот.

– Да мне пох..., что там предписано! – продолжал орать командир. – Валите отсюда, не возьму никого на свой корабль, понятно?

Ошарашенные тёплым североморским приёмом ленинградские офицеры запаса растерянно стояли, переглядываясь.

Сопровождающий офицер сжал зубы, буркнул «за мной» и повёл их на соседний пирс, к другому кораблю. У второго корабля история повторилась почти слово в слово, разве что мат был отборнее. И только командир третьего корабля с кислой физиономией согласился взять к себе группу новоприбывших с условием, процеженным сквозь зубы:

– Вот вам кубрик. Вот вам четырёхразовое питание. Что бы вас не видел до конца вашего пребывания здесь. На палубе не появляться, в разговоры ни с кем не вступать. Сидите тихо, не мешайте команде работать. Всё ясно?

– А как же учения? – раздался неуверенный голос из группы прибывших.

– Да я эти учения ... (%*!#&^)

– Ясно, – нестройно, совсем не по-военному пролепетала в ответ команда новобранцев. И нырнула в кубрик.

Кубрик был рассчитан на двенадцать человек и находился ниже ватерлинии, то есть был совершенно без окон. Связь с внешним миром осуществлялась через дырку в потолке и металлическую лестницу. Внутри втиснулись двенадцать спальных мест: шесть рундуков и шесть коек на втором ярусе. Алексей занял рундук, да ещё и рядом со столом: считай,

повезло!

Вечером настало время для второй бутылки коньяка. К удивлению новоприбывших, командованию корабля было совершенно всё равно, чем они занимаются у себя в кубрике, поэтому офицеры устроили настоящий праздник, ничем не стесняя себя. Приберегли с обеда и ужина кое-каких закусок, хлеба, которого офицерам полагалось в неограниченном количестве, достали припасённую бутылку и стали поднимать себе настроение, как могли. Бутылки на десятерых в такой обстановке, конечно, мало, но хоть что-то. Довольно быстро её опустошив и немного повеселев, офицеры выключили свет и улеглись спать, побросав остатки пира прямо на столе.

Проснулся Алексей от каких-то очень странных, непривычных ощущений по всему телу. Спросонья он не сразу понял, что происходит. Вокруг была совершенно непроглядная темень, из которой раздавалось тихое попискивание. Тут-то он и догадался, что за странные ощущения. Туда-сюда прямо по нему, быстро перебирая лапками, бегали огромные крысы, о чём-то радостно переговариваясь между собой. Наверное, благодарили морских богов и этих спящих олухов за роскошный ужин. Добегали до столика, который был расположен прямо рядом с рундуком Алексея, доедали за офицерами остатки вечернего банкета и убегали обратно. Кратчайшая дорога к пищеточке для них пролегла прямо по Алексею.

По-хорошему надо было встать и включить свет. Но Алек-

сей не мог себя заставить вылезти из-под одеяла. Сама мысль о том, что надо пройти в кромешной темноте по полу, кишашими крысами, приводила в ужас. Прямо как в детстве, прячась от чудовищ, он накрыл голову одеялом, подоткнул его под все бока так, чтобы ни кусочка тела не торчало, и стал ждать, когда визг утихнет. Ждать пришлось долго. Ну, по крайней мере, ему так показалось. Хоть бы кто из парней проснулся. Но те мирно сопели и не знали, что Алексей, как Щелкунчик, вынужден в одиночку противостоять полчищу крыс, пусть и под одеялом. Маша с туфелькой ему бы сейчас ох как не помешала. Впрочем, сгодился бы и любой из этих спящих принцев. Но те и не думали просыпаться.

Через какое-то время противные попискивания утихли, мерзкие чудища бегать по Алексею перестали. На всякий случай он выждал в своём укрытии ещё несколько минут, аккуратно вылез и на ощупь, по памяти, начал осторожно продвигаться в сторону выключателя. Почувствовав под ладонью на стене небольшую выпуклость, со смешанным чувством облегчения и тревоги включил свет. Маленьких монстров нигде не было видно. На столе не осталось ни одной крошки хлеба. За ужин ночные гости расплатились щедро разбросанным крысиным пометом, который равномерно покрывал стол и постель Алексея. Он вернулся к рундуку, стряхнул оставленные чаевые, и лёг. Заснуть в эту ночь ему больше не удалось.

А затем потекли тяжкие корабельные будни.

Суровая служба начиналась в 7 утра. Отдыхающих, тьфу, офицеров на учении, будил матрос завтраком. Можно было, конечно, и не просыпаться, никто не заставлял, но завтрак пропускать никому не хотелось, потому что через час тот же матрос забирал грязную посуду и не показывался до обеда. Процедура повторялась ещё трижды в день, причём порции были как на убой, но от нечего делать новоявленные морские офицеры съедали всё под чистую. Из развлечений у них была в распоряжении пара привезённых предусмотрительными товарищами совершенно дурацких книг, названия которых

и запоминать не стоило. Однако Алексей от скуки прочёл их по три раза каждую. Другие, ещё более предусмотрительные «сокамерники» прихватили с собой карты и домино. Так и коротали время от полдника до обеда, от обеда до ужина. В качестве спортивной нагрузки – поход в общественный галльон, к которому надо было подняться по лестнице, вылезти в отверстие в потолке и пройти узкий коридор. А потом ещё и обратно, между прочим!

Проскользнуть туда требовалось так, чтобы не попасться на глаза командующему составу, и сперва новоприбывшие честно старались соблюдать условленный порядок, обозначенный гостеприимным командиром корабля. Но однажды отведённый им галльон оказался занят, и Алексей решил пойти во второй, более дальний. Открыв очередную дверь, он замер на пороге. В помещении, через которое ему надо было пройти, кадровый офицер – кажется, майор, прикинул Алексей, – проводил учения для матросов. Пара десятков глаз смотрела на Алексея. Алексей не знал, что делать.

Наверняка должен был быть некий устав, по которому нужно было обратиться к старшему по званию. Но Алексей его не знал. Надо отдавать честь или не надо? Фуражку он оставил в кубрике. Что говорить? Вот чёрт. Повисла немая пауза. Алексей почувствовал, что начал краснеть. Майор выждал ещё несколько секунд в надежде, что этот гражданский болван что-нибудь сообразит, но понял совершенную бесперспективность ситуации, вздохнул и тихо сказал:

– Иди давай.

Алексей развернулся и пулей вылетел из помещения.

Запертые в металлическом мешке, умирающие от скуки офицеры запаса совершенно не знали, куда себя деть. Постепенно они чуть осмелели и стали под неодобрительные взгляды кадровых офицеров пару раз в день вылезать на палубу, чтобы хоть немного подышать холодным североморским воздухом. Их не прогоняли, понимали, что находиться 24 часа в маленьком помещении без окон хуже, чем в тюрьме, терпели. Однако во взглядах встреченных офицеров явно читалось: «Господи, да когда ж они уже отсюда уберутся?». Только однажды к ним подошёл офицер и обозначил, куда нельзя ходить ни в коем случае, а где можно покурить пять минут. Но участники военных сборов и сами не горели желанием пересекаться с кем-то из команды. Они чувствовали себя абсолютно лишними в этом обособленном, закрытом от чужаков мире. Привыкших к гражданской жизни, к своим высококвалифицированным профессиям, интеллигентным сослуживцам, их шокировала суровая служба матросов на корабле, бесконечный поток отборного мата, который сыпался на головы тех из уст офицеров. Поэтому новобранцы как можно дальше держались от этого странного мира, с которым так неожиданно им пришлось соприкоснуться, но в который их всё равно отказались принимать.

Через десять дней рано утром в кубрик совершенно неожиданно вместо матроса спустился сам командир кораб-

ля в явно хорошем настроении.

– Товарищи офицеры запаса, ваши сборы окончены.

Заклученные кубрика удивлённо переглянулись, ничего не понимая.

– Я договорился, всё в порядке. Собирайтесь! – отрезал он и раздал всем присутствующим справки об успешном прохождении военных сборов и отличных результатах на них. Успешно прошедших военные сборы долго уговаривать не пришлось. Парни моментально собрались и покинули него-степриимный корабль.

Алексей вышел на пирс, ощущая себя откатавшим срок заключённым, вышедшим по УДО. И вдруг замер. Он сооб-разил, какое сегодня число... Рванул к ближайшей телефон-ной будке и набрал номер Олега:

– Олег! Это Лёша! Ты не поверишь, но я приду к тебе се-годня на свадьбу! Меня вот только что отпустили со сборов! Прямо в день твоей свадьбы, представляешь?

– Лёха? Да ты что! Не может быть! – на другом конце про-вода слышался всплеск неподдельной радости. – Это просто отлично! Будешь у меня свидетелем!

Так Алексей оказался свидетелем на свадьбе лучшего дру-га. Вот ведь жизнь как устроена! Не будь этих дурацких сбо-ров, ни за что ему не попасть бы на праздник. Как будто сама судьба всё подстроила. Алексей нагулялся: наелся, напился, натанцевался, наговорил длинных, красноречивых тостов и на следующий день первым же поездом поехал обратно в Ле-

нинград, как ни уговаривали его задержаться ещё хотя бы на пару дней. Там, в Ленинграде, ждали жена с дочкой.

Как ответственный советский гражданин и ударник труда, прямо с вокзала Алексей поехал на работу в совершенно прекрасном настроении, полный энергии и желанием трудиться на благо Родины. Всё-таки иногда работать лучше, чем отдыхать, теперь он это точно знал.

ВНИИ телевидения занимал целый квартал Выборгского района и был режимным предприятием. Войдя в двери проходной, Алексей застрял на турникете: вахтёр категорически отказывался пропускать его внутрь.

– Вы что, не в курсе, что рабочий день начался уже больше часа назад? – отчитывал он Алексея с полным ощущением своего всемогущества.

– Да я со сборов приехал, вот только с поезда, – объяснял тот.

– Тогда Вам в военный стол! – повелительно указал вахтёр Алексею направление, куда тому следует идти.

Алексей направился по указанному адресу и стал объяснять скучавшему там начальнику военного стола ситуацию.

– Добрый день! Я Морозов Алексей Викторович, уезжал на военные сборы, вот вернулся.

Начальник военного стола устало посмотрел на подозрительно довольного прибывшего. Достал толстую, пыльную книгу, полистал ядовито-жёлтые страницы.

– Морозов? Алексей? Викторович? Так Вы должны 31 ав-

густа вернуться. А сегодня какое?

– Сегодня тринадцатое, но, видите ли, нас раньше отпустили.

– Так. У меня записано, что до 31 августа Вы на военных сборах. До 1 сентября что б Вас не видел.

– Да у меня же закончились сборы!

Начальник военного стола с шумом захлопнул книгу и устало отрезал:

– Гуляйте. Всего хорошего.

Алексей вышел на улицу. Светило солнце, было двадцать градусов тепла. И у него оставалось ещё восемнадцать дней незапланированного отдыха впереди. Он повернул в сторону метро и, не заезжая домой, вновь поехал прямо на вокзал. Взял билет на электричку до станции «Володарская». Сел на деревянную скамейку в вагоне. Смотрел в окно на проплывающие мимо пейзажи и широко улыбался, представляя лицо Лены, когда он явится к ней на восемнадцать дней раньше срока. На вокзале оказалось, что автобусы не ходят, и Алексей пробежал до участка четыре километра бодрой трусцой. Калитка, как всегда, была закрыта на крюк изнутри. Он перелез через забор, прошёл по узкой дорожке, зажатой со всех сторон аккуратными грядками, подошёл к дому и постучал в окно.

Это был последний тёплый день лета. Алексею по жизни будет везти со всё́м, кроме погоды, особенно если это погода в отпуске. Но он об этом ещё не знал.

Пыжиковая шапка

Бывший инженер 1-й категории 7 отделения Всесоюзного научно-исследовательского института телевидения, а ныне просто безработный Алексей Морозов крепко сжимал руль старенького жигуля-трёшки и, вдыхая запах бензина, вглядывался в темноту за лобовым стеклом. Тусклые фонари вдоль проспекта Просвещения не сильно помогали выловить маленькие тёмные человеческие фигурки, а уж заметить вскинутую руку и вовсе было задачей не из лёгких. Ноябрь 1993 года выдался морозным, но сухим: снега не было совсем. А северная зимняя ночь, длящаяся 19 часов в сутки, уже уверенно прихлопнула бывший Ленинград своей чёрной ладонью. В общем, вокруг было, что называется, хоть глаз выколи. Но для Алексея такие вечерние рейды стали уже привычным делом.

На зарплату инженера, пусть даже и 1-й категории, в молодом демократическом государстве, появившемся на обломках почившего СССР, было не прожить. Тем более когда у тебя жена и маленькая дочка. Их и кормить, и одевать, и баловать надо. А в новой России одна денежная реформа сменяла другую, да так успешно, что с января по ноябрь 1993 года цены выросли в десять раз. Крупа гречневая – 620 рублей, килограмм сахара – 800, колбаса копчёная – 5000, а ко-

ньяк – все 8000. И если без копчёной колбасы можно прожить, то без коньяка в такой обстановке – вряд ли. Новый жигуль, между прочим, стоил аж 4 000 000 рублей, но Алексей купил старенький, да и тот не на инженерскую зарплату.

Из ВНИИ он уволился ещё год назад, когда стало очевидно, что ловить в институтских коридорах нечего. Тогда же почил в бозе и начатая диссертация. Но Алексею крупно повезло: близкий друг студенческих времён устроил его на работу в немецкую компанию, открывшую филиал в северной столице восточного соседа. И сразу – генеральным директором. Когда Алексей пришёл устраиваться на новую работу, его спросили:

– Зарплата в 1 000 долларов устроит?

«В год?» – хотел на радостях уточнить Алексей, получавший в своём институте десять долларов в месяц, но вовремя осёкся. Сохраняя самообладание, кивнул с важным видом. О том, что был готов с радостью работать и за сто долларов, новым нанимателям он не сказал.

Консалтинговая фирма «ОЕКОН Санкт- Петербург» организовывала презентации для немецкой котельной компании на абсолютно девственном рынке Российской Федерации. Для начала Алексей отправился регистрировать контору в Комитете по внешним связям мэрии Санкт- Петербурга. Простояв час у кабинета какого-то странного, невысокого, поджарого председателя этого комитета битый час, получил заветную печать с его личной подписью «В.В. Пу-

тин». А затем началась настоящая гендиректорская работа. Несколько месяцев Алексей искал подходящее для презентации котлов помещение, договаривался об условиях сотрудничества, интересовывал потенциальных клиентов и занимался миллионом других мелочей. Он не очень верил, что получит обещанные деньги. Где это видано, чтоб 1 000 долларов в месяц платили? Но аккуратные немцы, приехав на презентацию, выдали всё до цента.

Ошалев от свалившегося на них несметного богатства, Алексей с Леной купили стиральную машину, спальный гарнитур, цветной телевизор с идеомагнитофоном и старенький жигуль за 500 долларов. На этом фортуна решила, что с семьи Морозовых хватит: «ОЕКОН», не питерский, а берлинский, обанкротился и платить зарплату гендиректору своего филиала в России перестал. Алексей остался без работы. Не возвращаться же в НИИ! Тут-то и пригодился только что приобретённый жигулёнок.

На ладан дышащий советский институт такси испустил дух вместе со старым государством, а новому было некогда заботиться о перевозке граждан из точки А в точку Б. Такси исчезли как вид. И пока власти занимались более насущными проблемами, предприимчивые граждане сами исправили ситуацию: в городе появились «бомбилы». Счастливые обладатели собственных автомобилей стягивались к прикормленным местам вроде вокзалов или станций метро или же просто колесили по району в поисках вскинутой вверх руки.

Вот и Алексей решил, что это прекрасный выход из сложившейся ситуации, и начал «бомбить» по вечерам.

Предприятие оказалось на удивление успешным. Каждый день он выезжал «на охоту», и к ночи карманы куртки новопеченного таксиста набухали от мятых разноцветных купюр. Алексей приходил домой, вываливал всё заработанное на стол, и они с Леной садились подсчитывать улов. Получалось не так жирно, как у немцев, но всяко лучше, чем в НИИ.

В тот вечер всё было как обычно. Тёмные улицы, тусклые фонари, вскинутая рука девушки у станции метро «Перспект Просвещения». Ничего не предвещало приключений. Интуиция предательски молчала, и Алексей остановил машину. Девушка, совершенно обычная, ничем не примечательная, сжимая полиэтиленовый пакет, приоткрыла дверцу, наклонилась и заглянула внутрь:

– Добрый вечер! Отвезти на Светлановский проспект сможете?

– Да, конечно, без проблем, садитесь.

– Только я не одна, со мной молодой человек.

Тут к машине подошёл мужчина кавказской внешности в пушистой пыжиковой шапке. Алексей и бровью не повёл. За последние несколько месяцев он возил совершенно разных людей и никаких предубеждений по этому поводу не имел.

– Отвезу и с молодым человеком, залезайте.

Девушка уселась на переднее сиденье, кавказец в шапке – на заднее, прямо за водителем. Алексей переключил рычаг

коробки передач, выжал сцепление, и машина, зарывчав, тронулась вдоль широкого проспекта Энгельса, мимо бесконечно длинных, серых, совершенно безликих новостроек, которые разукрашивала только шахматка подсвеченных окон, мимо тёмных, заброшенных строек, мимо спешащих домой по чёрным тротуарам пешеходов, навстречу редким, лупоглазым, до отказа забитым людьми трамваям. Спальный район не спал.

Вдруг пассажирка попросила свернуть в сторону – на дорогу, идущую вдоль большого пустыря. Таких пустырей в северной части Выборгского района в то время было немало. Эта часть города начала застраиваться только лет двадцать назад, в 1970-х. Многие территории здесь остались неосвоенными советскими властями, а новым было не до них. Алексей удивлённо притормозил. Странно, что им могло здесь понадобиться.

– Вы же говорили: на Светлановский надо? – уточнил он.

– Да, – ответила девушка, – но нам надо сначала в одно место заскочить, а после на Светлановский поедем.

Возможно, хотя бы тут Алексею стоило насторожиться. Даже наверняка стоило. Но он снова этого не сделал. Подумаешь, бывает. Надо – значит, надо. Не насторожился он и тогда, когда вокруг закончились дома, фонари и машины, и старенький жигуль оказался посреди огромного пустыря в полном одиночестве. А насторожился, лишь когда прямо у

его горла оказалось лезвие ножа.

– Останавливайся, – глухо прозвучал сзади голос с кавказским акцентом.

Алексей остановился. Вот попал так попал. Вокруг никого, темень непроглядная, он застрял в какой-то жуткой дыре на узкой дороге с преступной бандой, явно действовавшей, как там это называется, по предварительному сговору.

– Деньги давай и документы на машину, – нервно прохрипел главарь.

– Отдам-отдам, не нервничай только, – ответил максимально спокойно, насколько, конечно, это было возможно в такой ситуации, Алексей и стал медленно доставать из карманов купюры. Также медленно он начал передавать их назад правой рукой, держа левую наготове... Расчёт был верным. Сложно тянуться к деньгам одной рукой, не ослабив хват ножа в другой. По крайней мере, если ты не Джеймс Бонд. А грабитель в пыжиковой шапке на агента 007 явно не был похож. Как только волосатая рука потянулась к вожделенным бумажкам, Алексей почувствовал, что лезвие ножа от горла отошло. У него было примерно полсекунды. И он её использовал.

Выдернув ключ из замка зажигания правой рукой, левой Алексей рванул ручку двери, вывалился плечом на асфальт, а затем, совершив кувырок, удивительным образом оказался на ногах. Кульбит получился таким удачным, что Алексей и сам не ожидал. Он даже не ушибся! Прямо как заправский каскадёр, отрепетировавший трюк несколько раз с инструктором. Эх, красиво, наверное, выглядело со стороны. Жаль, зрители его успеха не оценили.

Бандит тем временем яростно дёргал ручку двери, пытаюсь выбраться наружу вслед за Алексеем, чтобы продолжить

перервавшийся диалог, но... Ручки задних дверей в стареньком жигуле были давно уже сломаны, открыть можно было только снаружи. Пассажир оказался заперт в машине. Его поделнице при этом удалось обрести свободу с первого раза. Правда, что делать с этой свободой, она не знала – стояла у машины и растерянно смотрела по сторонам.

Алексей между тем подошёл к багажнику, открыл его и достал лежавшую там, словно специально ждавшую такого случая монтировку. Вот и пригодилась. Глаза девушки расширились. Но к её облегчению опасная жертва ограбления двинулась в другую сторону – навстречу показавшемуся вдалеке свету фар.

Алексей встал на середину дороги и начал активно махать руками. Машина остановилась, из неё вышел водитель, и только Алексей собрался всё объяснить, как с противоположной стороны подъехала другая машина. Она тоже остановилась, и водитель вышел посмотреть, в чём дело. Алексей оказался в свете двух пар фар.

– Мужик, что случилось?

– Да понимаете, меня тут грабят. Людей подвозил, а они нож к горлу приставили и потребовали все деньги и машину отдать. Я сумел выбраться из машины, а этот, вон, застрял там, у меня задние двери плохо работают.

– Та-а-ак, ясно. А от нас ты чего хочешь?

– Без понятия.

Алексей вдруг понял, что действительно не представляет,

что делать дальше. Телефонной будки, из которой можно было бы вызвать милицию, поблизости не было. Связать и доставить в отделение самим – нереально, даже при соотношении сил 3 к 1. Девицу можно было и отпустить, всё-таки они джентльмены. Провести разъяснительную беседу о принципах культурного поведения в нашей гостеприимной стране? Алексей с сомнением посмотрел в сторону своей машины. И вдруг увидел, что бандиту удалось выбраться наружу. Ах да, если подцепить ручку определённым образом, дверь открывалась. У этого гада было время, и он сумел найти нужное положение.

Возникла немая сцена, залитая с двух сторон жёлтым светом импровизированных софитов. С испугом в глазах, прижимая полиэтиленовый пакет к груди, застыла девица. Поняв, что перевес сил теперь на другой стороне, в растерянности застыл кавказец с деньгами в руках. Раздумывая, что делать с бандитами дальше, застыл Алексей с монтировкой в руке. Не понимая своих ролей в развернувшейся драме, которая вдруг обернулась фарсом, застыли подъехавшие водители. Мёртвая тишина длилась несколько секунд и разрушилась неожиданно громким, резким, звенящим звуком – это Алексей бросил монтировку на асфальт.

Он подошёл к грабителю, аккуратно вытащил купюры из его судорожно сжатых пальцев и положил их к себе в карман. Затем размахнулся и со всей силы врезал по щетинистой скуле. Пыжиковая шапка слетела на асфальт. Бандит сорвался с

места и побежал прочь через пустырь. Следом, бросив пакет, растворилась в темноте и девица.

Оставшиеся трое мужчин переглянулись, покачали головами, потоптались ещё на месте преступления, поболтали. Один из них выкурил сигарету, Алексей несколько раз поблагодарил за помощь, и все трое разъехались в разные стороны.

В пакете девицы оказались шампуни. Хорошие, Морозовы ими долго пользовались. Но главным приобретением стала большая, пушистая пыжиковая шапка. Алексей носил её ещё несколько лет как трофей.

Пока женщина собирается

1 сентября – всё-таки лучший день в году, без сомнений. Особенно если у вас в семье есть школьник. Особенно если он учится самостоятельно на 4-5 и не донимает родителей домашкой. Ну, разве что иногда математикой, ладно уж. Особенно если он сам по утрам встаёт и уходит в школу. Особенно если он – это она. В смысле дочка. Даша.

Всё-таки удобно, что школа прямо во дворе, в двух шагах от парадной. Алексей с сомнением посмотрел на разрисованную начинающими граффитистами железную дверь, обрамлённую грязноватым серо-жёлтым кирпичом. Да, всё-таки парадная. Мы же петербуржцы, а не какие-то там москвичи.

И подросший ребенок – это тоже очень удобно. Можно спокойно позавтракать с любимой женой, не носясь по всему дому в поисках подходящего платья. Нет, не этого, вот того. Нет, это не поглажено, лучше этого. Не собирать учебники. Не заплетать косички. А просто потягивать чай, закусывая яичницей и думая о высоком. Например, о замене масла в двигателе.

Каждое утро учебного года начиналось одинаково. Даша вставала раньше всех, завтракала и уходила в школу. Иногда даже до того, как Алексей с Леной проснутся. Зачем ей

нужно было приходиться в школу самой первой – бог её знает. Она говорила, что Валька будет весь день дружить с той девочкой, которая раньше придёт. Сдалась ей эта Валька. Но, впрочем, если Валька не требует, чтобы вместе с Дашей просыпались ни свет ни заря и родители, то и ладно, её, то есть Дашино, дело.

Потом уже вставали Алексей с Леной, завтракали, обсуждали планы на день. Затем Алексей одевался и шёл на парковку, где стояла его новенькая пятёрка-жигули. Бизнес у него начал потихоньку идти в гору. Уже пару лет они с партнёрами занимались продажей то одного, то другого, и вот несколько месяцев назад зарегистрировали новую фирму – «Си-Проджект».

Парковка находилась совсем недалеко, прямо под окнами квартиры, поэтому весь утренний ритуал занимал минут пять с учётом завязывания шнурков и спуска на лифте с двенадцатого этажа. Алексей садился в машину и подъезжал к парадной – да-да, именно к парадной, пусть даже она таковой и не выглядела.

Но с квартирой Морозовым всё равно повезло. Подумать только, своя собственная, отдельная трёшка в новом кирпичном доме! Просторная, светлая! Одна комната Даше, одна им с Леной, в третьей – гостиная с большим цветным телевизором и видеомагнитофоном. До чего дошёл прогресс! Больше не надо ходить в кино, можно просто купить (или даже взять в прокате) кассету с фильмом – и смотри сколько хо-

чешь. Главное, не забывать в конце перематывать плёнку в начало. Морозовы фильмы любили и каждые пятницу и субботу исправно смотрели что-нибудь интересное всей семьёй, но в урезанном формате: с Дашей, но без кота. Кота Рыжика, бродягу, который как-то закатился к ним под колёса машины, да так и остался с ними жить, в гостиную не пускали, чтобы не испортил новый кожаный

диван. И вот ведь умный какой: сидел на пороге комнаты, сверкая круглыми глазами, и даже лапой не смел ступить на паркет! Дворовый, а понимает, что можно, что нельзя.

Пока Алексей ходил за машиной, Лена собиралась. Сколько Лена может собираться, он знал ещё со студенческих времён, поэтому подъезжал на машине к парадной и спокойно ждал, пока она выйдет. Теперь уж он готовился как следует. Можно книжку почитать или поразгадывать кроссворд. Жаль, что не придумали такую штуку, чтобы можно было из машины в шахматы играть с кем-нибудь, кто находится далеко. Тогда времяпровождение в машине стало бы совсем прекрасным! Алексей ждал. Он не торопился. Всё равно бесполезно. Затем он довозил жену до её работы и ехал в свой офис. Это было, конечно, неблизко, иногда в пробках и час можно простоять. Но что делать. Квартира находилась на самом краю города. На таком краю, что из окон даже был виден лес. Но всё-таки им ужасно повезло. Когда светит солнце и стоит прекрасная, тёплая погода, почему-то это ощущаешь

особенно остро.

Алексей в задумчивости смотрел на дверь парадной в ожидании, что она вот-вот откроется и на крыльце покажется Лена. И вдруг дверь действительно открылась. Но на пороге показалась вовсе не Лена, а два странных типа в спортивных костюмах. Странного в них было много.

Во-первых, этих здоровенных амбалов Алексей видел в первый раз. Не сказать, чтобы он всех жителей дома знал в лицо, но таких сложно не запомнить.

Во-вторых, у каждого в руках было по два огромных баула, до отказа забитых какими-то вещами.

А в-третьих – и вот это было самое странное! – они оба были в чёрных перчатках. В такую-то погоду!

Подозрительные типы остановились на крыльце и начали оглядываться по сторонам. Вокруг не было ни души. Ну, так им, видимо, показалось. Как минимум он, Алексей, сидел в машине и смотрел на них в упор. Но почему-то остался незамеченным. Наверное, стекло в машине отражало свет так, что скрывало водителя.

Не увидев никого, кто представлял бы опасность, странные ребята сняли перчатки, подхватили баулы, чуть присев под их весом, и засемили в сторону проспекта Просвещения. Алексей вылез из машины, раздумывая, что делать.

Тут к парадной подошла жившая в этом же доме женщина с коляской и тоже с тревогой посмотрела вслед удаляющимся мужикам.

– Добрый день! – сказал Алексей. – Вы их знаете?

– Нет, не знаю, – пожала плечами та. – А кто это?

– Я тоже не знаю, но предчувствия у меня нехорошие. Можно Вас попросить? Через пару минут выйдет моя жена, скажите ей, пожалуйста, что я ненадолго отлучился и скоро буду. А мне надо разобраться с ситуацией.

Алексей развернулся и побежал в ту сторону, куда удалились неизвестные. Те шли на удивление быстрым шагом – успели отойти уже метров на сто от дома. Впрочем, Алексею не составило труда догнать их буквально за пару минут. Но

догнать – это одно. А дальше-то что делать? Он не знал. Плана не было. Не придумав ничего лучше, он просто крикнул:
– Стоять!

К изумлению Алексея, они послушались. Остановились, настороженно обернулись.

Та-а-ак, а теперь-то что? Алексей не понимал, кто в этой ситуации испугался больше: он сам или амбалы. Их вообще-то двое, да и по комплекции они не уступают Алексею уж точно. Сделав строгий вид и настроив голос на максимально грозный тон, Алексей крикнул первое, что пришло в голову:

– Что у вас в сумках?!

Мужики посмотрели на него. Затем друг на друга. Бросили сумки и рванули наутёк.

Алексей остался посреди двора с четырьмя огромными, тяжеленными баулами, которые в одиночку дотащить до дома явно не сможет. Он оглянулся по сторонам. По двору проезду неспешно плёлся старенький жигуль. Алексей рванул к нему, замахал рукой, остановил:

– Добрый день! Помогите, пожалуйста, довести сумки до дома, тут совсем рядом, буквально сто метров.

– Мужик с подозрением посмотрел на странного незнакомца:

– А что ты делаешь с ними посреди улицы?

– Да понимаете, я только что грабителей спугнул. Они из нашего дома выходили, я за ними побежал, окрикнул, ну, они испугались и убежали. А мне сумки надо обратно теперь

дотащить.

Водитель с сомнением смотрел на Алексея:

– А это не ты сам случайно кого-то грабанул? – допытывался он.

– Ну если б я это сделал, я б Вас, наверное, не просил подвезти меня.

– Кто вас знает! – буркнул мужик, открывая багажник. Всё-таки не похож был Алексей на бандита.

Доставив четыре баула обратно к дому, Алексей оглянулся. Лены, конечно же, ещё не было. Кто бы сомневался. Но соседка с коляской послушно стояла там, где Алексей её оставил.

– Вызывайте милицию! – выпалил Алексей, сверкая глазами. – Это ограбление.

Женщина поспешно скрылась в парадной. О том, что в машине у него самого лежит новое чудо техники – мобильный телефон – Алексей напрочь забыл.

Милиция приехала на удивление быстро. Пара добрых молодцев начала активно записывать показания Алексея и женщины с коляской, кивая со знанием дела и вселяя уверенность, что теперь для них поймать этих двоих – плёвое дело.

Вот мой домашний телефон. Вот рабочий. Вот сотовый, – Алексей вывел на бумажке три номера.

– Какой-какой? – недоуменно спросил сержант милиции.

– Сотовый телефон. Вот такой, – и Алексей не без капель-

ки хвостовства показал чёрную коробочку с трубкой, которая лежала в машине. Милиционер удивлённо покачал головой. Он, конечно, слышал, что такие штуки бывают, но живую ещё не видел. До чего всё-таки техника дошла! Звонить прямо из машины! Чудеса.

– Я их хорошо разглядел, – заверял Алексей, могу описать. Звоните.

– Спасибо, Алексей Викторович. Мы всю информацию записали, обязательно свяжемся с вами в ближайшее время. Ждите.

Тут, наконец, из парадной вышла Лена.

Вот уж нескучно в этот раз Алексей провёл время в ожидании неё.

Прошло ровно два месяца. 1 ноября раздался звонок:

– Алексей Викторович, добрый день, майор милиции Иванов. Мы Вас приглашаем на составление фоторобота.

– Какого фоторобота?

– Бандитов.

– Каких бандитов?

– Так Вы же 1 сентября ловили бандитов на Руднева!

– Ах, этих бандитов... Дорогие мои. Понимаете, в тот же день я бы вам их описал с точностью до родинки и сам бы нарисовал. Через неделю смог бы примерно описать образ. Через пару недель – сказать только общие характеристики. Но прошло два месяца!!! Я вообще уже не помню, как они

выглядят!

– И всё-таки мы попробуем. Приезжайте.

В отделении милиции Алексей встретился с соседкой. Они вдвоём силились вспомнить хоть какие-то черты бандитов, но в результате получилась полная ерунда. Зато им в подробностях рассказали, что же случилось на Руднева 1 сентября.

После того как Алексей уехал на работу, милиция пошла обходить квартиры в доме. Уже на втором этаже они обнаружили незапертую дверь. Зайдя в квартиру, милиционеры увидели женщину, привязанную к стулу, с надрезанной мочкой уха.

Квартира принадлежала успешным коммерсантам, и добра у них было немало. Грабители зашли в квартиру под видом сантехников и забрали всё, что смогли унести. Найти их так и не удалось. По крайней мере в тот раз.

Нет безВХОДных ситуаций

С утра в квартире 82 дома 21 по улице Руднева стоял настоящий кавардак. Правда, утром это можно было назвать с большой натяжкой. Чета Морозовых, как обычно в выходные, проснулась поздно, и время неспешного завтрака больше подходило позднему обеду.

В промежутках между пережевыванием яичницы семья обсуждала планы на день. Бывало, правда, что пока обсуждишь, пока поспоришь, пока придёшь к консенсусу, вот уже и вечер и ехать никуда не надо. Но в этот раз решили досадных ошибок не повторять.

Все семьи на буднях одинаково тянут лямку, каждая семья проводит долгожданные выходные по-своему. Морозовы сидеть дома не любили. Благо, в Петербурге жили, выбор занятий был богатым. А если принять во внимание ожидавшуюся на парковке машину, перспективы выходных становились ещё более вариативными. Правда, как это обычно бывает, большой выбор, скорее, создавал проблемы, чем их решал.

Вот летом всё было просто: каждые выходные, хочешь – не хочешь, надо было ехать на дачу, где с бабушкой жила Даша. Там, впрочем, тоже были свои варианты помимо грядок да недостроенной бани. Например, можно было съездить на

пикник на озере или сходить в лес за грибами. Но в целом круг занятий более-менее очерчен. Ранней осенью тоже для любого приличного петербуржца с тем, куда девать внезапно освободившееся свободное время, всё предельно ясно. Для непетербуржцев специальное пояснение: пока на улице золотая осень, каждый уважающий себя петербуржец непременно должен посетить Павловск, Пушкин или, на худой конец, Петродворец. В общем, любой из пригородных парковых ансамблей, щедро оставленных в наследство имперским прошлым. С декабря круг занятий на выходных тоже был очевиден: он сужался до отчаянной беготни по магазинам в надежде найти и купить подарки (и, желательно, что-нибудь на стол) к Новому году. При этом образ празднования Нового года в семье старших Морозовых не оставлял никакого шанса на свободные выходные в этот напряженный период. Дело в том, что в большой семье было принято дарить много-много, но, к счастью, небольших подарочков каждому... Все аккуратно заворачивались в подарочную бумагу и складывались в большой тайне от детей в огромный мешок, который так же тайно выставлялся за дверь. Затем подговорённый заранее сосед звонил в звонок, дети выбегали в парадную, а там – мешок с подарками. «Ну, вы же понимаете, у Деда Мороза много детей, ему ещё и к остальным успеть надо!» – объясняла бабушка оказию внукам, и все шли дружно разбирать дары таинственного Деда Мороза.

В общем, Новый год был целым ритуалом, порядок кото-

рого нельзя было менять ни при каких обстоятельствах, так что гонку за содержимым мешка в парадной можно было начинать даже с ноября... А лучше прямо с октября, сразу после того, как листья опадут и обязанность ехать в парковые ансамбли исчезнет сама собой.

После Нового года тоже всё ясно. Лыжи, коньки, санки для Даши. Всё равно после новогодней гонки денег ни на что не было.

А вот что делать в этот странный период, когда снег уже начал таять, а дачная пора ещё не наступила?..

В общем, в жизни каждого петербуржца наступает время (нечасто, в среднем раз в несколько лет), когда он вспоминает, что вообще-то он петербуржец, а в Эрмитаже не был лет пять. А то и десять. Заливаясь краской от того, что даже не знает нынешней стоимости билета в главный музей страны, он бежит в Эрмитаж, чтобы потом с чуть безразличным видом мельком упомянуть о своих культурных выходных знакомым... Чтобы те в свою очередь тоже срочно побежали в том же направлении.

Итак, на семейном завтраке было решено: Морозовы едут в Эрмитаж!

Ради справедливости стоит всё-таки сказать, что с Эрмитажем Морозовы были совсем не на «Вы». Ну, как минимум одна треть семьи – Лена.

От среднестатистического петербуржца Лена отличалась тем, что была завсегдатаем Эрмитажа и прекрасно там ориенти-

ровалась. Она могла бы там водить экскурсии с закрытыми глазами, но вместо экскурсионных групп водила семью. Такие нетипичные для бывшего инженера-специалиста по полупроводникам и диэлектрикам, а ныне главного бухгалтера знания объяснялись довольно тривиальным для петербуржца образом: в старших классах школы Лена ходила на курсы гидов, где их обучили всем премудростям эрмитажно-экскурсоводческой деятельности. А поскольку нереализованные навыки требовали справедливого выхода, Лена отыгрывалась на членах своей семьи.

Культурная программа на воскресный день была утверждена. Требовалось совсем немного. Сушная ерунда. Требовалось собраться.

Алексей с Дашей ждали. Посмотрели «Подводную одиссею Кусто». «Чёрный плащ». «В мире животных». Новости. Солнце катилось к горизонту почти синхронно с часовой стрелкой на циферблате. Наконец, в проёме двойной двери гостиной показалась Лена: «Ну, и долго вас ещё ждать?» Алексей с Дашей переглянулись. Поехали!

В Эрмитаж из спальных районов добираться небыстро. Пока на всех светофорах постоишь, пока через все мосты переедешь... Алексей чуть нервно поглядывал на часы. Лена успокаивала его: «Да не переживай, мы успеваем! Я абсолютно уверена, что он открыт по воскресеньям до шести». К Эрмитажу Морозовы подошли к 17:20. Даже с запасом. Сорок минут пробежаться по залам им вполне должно хватить,

для того чтобы приобщиться к прекрасному и почувствовать себя приличными петербуржцами.

– Смотрите, как вовремя приехали! – обрадовано сказал Алексей. – Очереди на вход уже вообще нет!

Правда, когда троица приблизилась к кассам, отсутствие очереди объяснилось совершенно неожиданным образом: кассы были закрыты. Руководство сочло саму возможность сорокаминутной прогулки по залам Эрмитажа оскорблением его величию. Здесь нужно ходить минимум час, считало оно и закрывало кассы за час до окончания работы музея.

Расстроенные неожиданным поворотом судьбы Морозовы стояли перед закрытым входом. Что делать? Придётся ехать домой.

– Пойдите! У меня есть идея! – вдруг воскликнул Алексей. – Пойдёмте за мной!

И зашагал куда-то в сторону. Лена с Дашей ничего не понимали, но поспешили следом. Отряд вышел обратно на Дворцовую набережную¹ и прошёл чуть дальше, туда, где красовалась вывеска «Выход».

– Так! Говорить буду я! Вы молчите и идите за мной как ни в чём не бывало! – давал последние наставления отряду Алексей. Те кивали, но всё равно ничего не понимали.

Они зашли внутрь. У выхода за столом совсем неэрмитажного вида сидела бабулька вполне эрмитажного, выпол-

¹ С 1980-х по 2003 год центральный двор Эрмитажа был закрыт на ремонт, так что и вход, и выход осуществлялись со стороны Дворцовой набережной.

нявшая функции охранника, справочного бюро, заправского экскурсовода и Цербера. Натренированным хищным взглядом она тут же вцепилась в странных гостей. Алексей уверенным шагом направился прямо к ней.

– Простите, не подскажите, вам кошелёк никто не передавал? – деловито спросил он.

– Н-нет... – растерялась Цербер от неожиданного вопроса.

– Вот чёрт! Ну, мы тогда пойдём поищем! – сказал Алексей и, кивнув женской части отряда, уверенно направился вглубь музея. Лена с Дашей поспешили за ним. Цербер растерянно смотрела им вслед.

Инкассаторы

Алексей Викторович Морозов пристально посмотрел на Вику. Потом задумчиво перевёл взгляд в окно, там мельтешил серый октябрьский дождик. Затем – на потолок.

– Пятьдесят шесть, – изрёк он.

И, подумав, добавил:

– С половиной.

– Что «пятьдесят шесть»? – округлила глаза

Вика.

– Пятьдесят шесть с половиной тысяч рублей выручки.

– Это Вы сейчас на потолке нашли?

– Это я предположил, проверь.

Вика скрылась в дверях, и стук её каблучков затих в том конце офиса, где располагался бухгалтерский отдел. Алексей Викторович неспеша занялся отчётами и графиками и так в них погрузился, что даже немножко вздрогнул, когда Вика вновь появилась в проёме.

– Алексей Викторович, точно, ровно пятьдесят шесть с половиной! Без нескольких копеек.

Алексей довольно улыбнулся, и голова исчезла. С цифрами он не просто дружил. Он их чувствовал. Как некоторые чувствуют приближение дождя или приключений на свою пятую точку, так Алексей чувствовал цифры. Не глядя в гра-

фики и отчёты, мог прикинуть итог или даже предсказать то, к чему отчётов вовсе ещё не было, и всегда попадал в яблочко. Он любил цифры, и они отвечали ему взаимностью. Не зря окончил лучшую математическую школу Ленинграда – знаменитую «тридцатку». И финансовым директором маленькой, но стремительно развивающейся фирмы «Си-Проджект» он тоже работал не зря. Вообще-то он был не просто директором, а совладельцем этой небольшой компании. Как сейчас стало модно говорить на американский манер – «бизнесменом». В последние несколько лет, после того как распался Советский Союз, этих бизнесменов расплодилось немерено. Вот и Алексей вместе со знакомыми два года назад решил заняться торговлей. Сначала продавали «Инвайт», тот самый «просто добавь воды». Хорошие времена были: товар возили из Африки, а тут, в России, народ его сметал, аж очередь выстраивалась. Затем начали расширять ассортимент: на выставке познакомились с американской компанией «Айдахоан», производившей сухое картофельное пюре (в общем-то, тоже из серии «просто добавь воды», хоть до такого слогана американцы и не додумались). Начали сотрудничать и с ними. Ну, и по мелочи торговали чупа-чупсами и всякой подобной ерундой. Так и выросла у них фирма. Уже было сорок человек. Двадцать из них сидели в офисе, на третьем этаже старого дома по 13-й Красноармейской улице, остальные бегали по городу торговыми представителями.

– То ли ещё будет! – задорно подумал Алексей и вернулся к любимым цифрам, щедро рассыпанным по бумагам на столе.

Офис окутывал приятный рабочий шум, настраивающий на деловой лад. За стенкой размеренно, с паузами гудел ксерокс. Сбивал его ритм, выплевывая сообщения, периодически просыпающийся факс. Синкопой звучал стук пальцев по клавиатуре. То там, то здесь дилинькали пейджеры. Кто-то в другом конце офиса вёл переговоры по телефону, но тонкие стены рассеивали этот разговор по всем ста квадратным метрам. Не шум, а музыка, сопровождающая путешествие в волшебный мир цифр. Алексей свою работу очень любил. Впрочем, он любил все свои работы. Везде было интересно, начиная со студенческого стройотряда. Любое новое дело разжигало азарт. Наверное, поэтому дела в фирме и шли так хорошо, куда уж в бизнесе без азарта, тем более в нашем, советском. Тьфу, российском, конечно. Уже несколько лет как российском.

– Алексей Викторович! – Вика снова появилась в дверях. – Тут такое дело... Звонили инкассаторы, сказали, что переносят свой визит к нам на два часа раньше.

– Да, точно, сегодня же первое число! Хорошо, спасибо, что сказала.

Но Вика не уходила, и Алексей, наконец, оторвался от своих бумаг и вопросительно на неё взглянул.

– Они какие-то странные...

– Кто?

– Инкассаторы.

– В смысле «странные»?

– Ну... Не знаю даже. Пьяные как будто.

Алексей отложил ручку и откинулся на кожаную спинку кресла.

– Пьяные, говоришь? Интересно.

Инкассация была совершенно стандартной, рутинной процедурой. Ежедневно коммерческие агенты объезжали магазины, куда фирма «Си-Проджект» поставляла свой товар, собирали выручку и отвозили в офис на 13-й Красноармейской. Бухгалтерия заполняла формуляры, раскладывала пачки купюр по мешкам и оставляла их дожидаться сотрудников банка. В назначенный срок приезжали инкассаторы, забирали деньги и отвозили в банк. Всё было предельно просто и понятно. И переносы времени пьяными голосами в стандартную процедуру явно не вписывались.

Алексей снял трубку и набрал номер «Рускобанка» – небольшого банка с одним отделением на Большой Морской. Алексей часто навещался туда по рабочим вопросам и водил знакомство с тамошним начальником службы безопасности, как говорится, «был с ним на короткой ноге». Ему-то Алексей и решил позвонить, чтобы проверить подозрительную информацию:

– Василий Петрович, добрый день. Алексей Викторович из «Си-Проджекта» говорит. Хотел узнать, почему банк ре-

шил перенести инкассацию на два часа раньше?

– Алексей Викторович, приветствую! Секундочку, сейчас проверю, – в трубке повисло молчание в полминуты. – Нет, мы ничего не переносили. Инкассация вашей фирмы стоит на 17:00, как и планировалось.

– Как же так? Нам только что позвонили инкассаторы «Рускобанка» и сказали, что приедут в три.

– Не знаю, в чём дело. Вот я смотрю: назначено на пять, значит, приедут в пять.

– А что же нам делать?

– Откуда я знаю, что вам делать? – немного раздраженно ответил Василий Петрович. Проблемы «Си-Проджекта» явно не были приоритетными для службы безопасности банка в данное время, которое, судя по характерным звукам, отводилось для кофе с бутербродом.

Алексей Викторович поблагодарил за участие и положил трубку. Но спустя мгновение снова её взял и набрал уже другой номер:

– Майор Прокопенко, слушаю.

– По счастливому стечению обстоятельств отделение милиции №15 находилось на той же улице – буквально в трёхстах метрах от офиса «Си-Проджекта». Повезло так повезло!

– Добрый день! Меня зовут Морозов Алексей Викторович, я финансовый директор компании «Си-Проджект», которая находится по 13-й Красноармейской улице, дом 9, – и подумав полсекунды, Алексей на всякий случай добавил, –

прямо рядом с вашим отделением милиции. Дело в том, что у нас сегодня была запланирована инкассация на 17:00, но позвонили инкассаторы и пьяными голосами перенесли свой приезд на 15:00. Я уточнил в банке, там ничего про перенос времени не знают. Похоже, нас будут грабить, – подытожил он свой немного затянувшийся (судя по сопению на другом конце провода) рассказ.

– Так, – ответила трубка и сделала много- значительную паузу. – А от нас Вы чего хотите?

– Ну как «чего»? Пришлите к нам кого-нибудь, желательно с оружием, потому что ситуация весьма непредсказуема.

– А у вас с нами дОговор-то подписан?

– Нет, не подписан, – на полсекунды смутился Алексей, но тут же нашёлся, – давайте заодно и подпишем! Приносите документы, мы быстренько заключим договор.

– Не-е-ет, эдак не выйдет. Вы, кроме дОговора, ещё должны нам деньги перевести, предоплату то есть.

– Да без проблем, приезжайте. Время есть, до того как нас будут грабить, ещё часа три есть. Мы всё подпишем и сразу переведем вам деньги.

– Да Вы не вразумите. Мы сможем работать с вами, только когда деньги поступят на наш счёт, вот так.

Терпение Алексея начало понемногу кончаться:

– Так деньги будут идти от двух до четырёх рабочих дней, – сказал он.

– Ну вот, тогда и сможем вам наряд милиции прислать.

– Вы не понимаете, нас грабить будут сегодня в 15:00! Что нам делать?

– Ну вот когда охрабят, тогда и позвоните, вот, – изрёк собеседник таким тоном, как будто разжевывал простые истины неразумному дитяте.

Алексей повесил трубку и посмотрел на время: до ограбления оставалось два с половиной часа. Он побарабанил пальцами по столу, посмотрел в окно, на потолок, и через пару минут у него уже был готов план «С». А ещё через десять минут все двадцать человек, работающие в офисе, сидели на срочном собрании. Алексей подробно изложил то, что уже рассказывал начальнику службы безопасности и майору Прокопенко, а также коротко передал содержание разговоров с обоими. Те, кто стоял, сели.

– Вот вы двое, – он указал на парней побойчее, – без пятнадцати три выйдете на улицу, встанете в сторонку, так, чтобы не бросаться в глаза, и будете записывать номера всех подъезжающих машин. А ты, – он указал на плотного высокого сотрудника из отдела продаж, – внимательно наблюдай за мной, когда приедет инкассатор. Если я махну тебе рукой вот так, – Алексей опустил руку вниз, завёл за спину и сделал едва заметный жест одними пальцами, – звони в милицию. В моём кабинете рядом с телефоном лежит бумажка, где записан номер, по которому нужно звонить.

– А нам что делать? – спросили несколько человек.

– Готовиться.

– К чему?

– Ко всему.

Ровно в 15:00 к зданию подъехала машина, из которой вышел высокий, крепкий, уже немолодой мужчина в инкассаторской униформе с шильдой «Рускобанка» на груди. На ремне болталась подозрительно выпуклая кобура. В одной руке он сжимал фирменные инкассаторские мешки «Си-Проджекта»: на них красовались номера компании и её название. В другой – ведомость, оформленную по всем правилам, только что пустую. Впрочем, в этом как раз ничего удивительного не было: было первое октября, а первого числа каждого месяца ведомости обновлялись. Вроде не было ничего, что выбивалось бы из привычной картины. Но Алексей, вопреки обычному ходу вещей, пошёл встречать незваного гостя лично.

– Здравствуйте! Вы у нас в первый раз? По нашим правилам я должен попросить Вас предъявить свои документы.

Инкассатор даже бровью не повёл.

– Да, конечно, – сказал он и протянул Алексею удостоверение «Рускобанка» с фотографией и печатью.

Чёрт побери, даже придраться не к чему.

Что делать дальше?

– Что ж, спасибо, всё в порядке. Пройдёмте в кассу, – сказал Алексей, жестом пригласил его следовать за ним и пошёл в направлении бухгалтерии, но вдруг остановился.

– Вы знаете, поскольку Вы у нас в первый раз, я должен

позвонить в банк, чтобы они подтвердили, что Вы у них работаете.

– Да, конечно, звоните, – сказал инкассатор, но лицо его заметно напряглось. Или это Алексею просто показалось? На всякий случай он опустил руку вниз и незаметно махнул рукой. Краем глаза заметил, что сотрудник, на которого была возложена миссия по звонку в милицию, жест уловил и пошёл выполнять своё спецзадание.

Теперь надо тянуть время. Не выпуская из рук так легко добытое удостоверение, Алексей медленно подошёл к телефону и начал медленно набирать номер телефона начальника безопасности «Рускобанка», косясь на торчащую кобурку. Лицо инкассатора так же медленно начало белеть. Лицо Алексея последовало примеру собеседника.

«М-да, секунды три выиграл, не больше,» – подумал Алексей, когда в трубке раздался голос Василия Петровича.

– Василий Петрович, добрый день! Это опять Алексей Викторович из «Си-Проджекта». К нам тут приехал ваш инкассатор, новенький, видимо, – Алексей поднял к глазам удостоверение и медленно прочитал, – Тарасов Андрей Иванович, есть такой?

Из трубки раздался оглушительный крик:

– Это же ограбление!!! Срочно вызывайте милицию!!!

Ухо заложило, но Алексей умудрился сохранить невозмутимое выражение лица, повесил трубку и повернулся к лжеинкассатору в надежде, что до него ор в трубке не долетел:

– Всё в порядке. Девочки сейчас допакууют мешки, и мы Вам их отдадим.

Но лицо «инкассатора» к беседам уже не располагало. Он положил руку на кобуру. Алексей замер. Возникла секундная пауза, и гость ринулся к выходу, кубарем скатился по лестнице, запрыгнул в машину и умчался в неизвестном направлении.

Офис выдохнул и загалдел. Такой лёгкой и счастливой развязки никто не ожидал. Работа была забыта, сотрудники шумно и взволнованно обсуждали произошедшее. С улицы вернулись ребята, ответственные за фиксацию номера «инкассаторской» машины, с гордым видом и отчётом о выпол-

ненной миссии:

– Записали, есть! Вот, держите! Там их двое было: водитель и этот «инкассатор»!

А кто же это был? А откуда у него удостоверение? А куда они поехали? А что если они вернуться? Офис гудел от вопросов без ответа. И тут в разгар жарких обсуждений на лестнице послышался громкий топот целой роты мужских сапог, в дверь ворвались трое мужчин в милицейской форме с автоматами. Офис вновь замер в ожидании второй части марлезонского балета.

– Где грабители?! – прокричал, видимо, главный из прибывшей троицы.

– Здравствуйте, – спокойно сказал Алексей. – Уехали.

– Как уехали?! А что ж вы их не задержали?!

– Ну извините, ребята, – развёл руками Алексей.

С лицами, полными разочарования, милиционеры опустили автоматы. Во взгляде читалось явное непонимание, что делать дальше. Их замешательство было прервано новыми действующими лицами: на лестнице снова послышался топот, и в офис влетела служба безопасности банка.

– Где они?! – прогремели вошедшие.

– Уехали.

– Когда?!

– Несколько минут назад.

– Алексей Викторович... – начальник службы безопасности виновато потупил взгляд.

– Ладно, главное, что всё хорошо закончилось. Вот его удостоверение. Вот марка и номер автомобиля. Разбирайтесь.

Офис вернулся к нормальному рабочему ритму лишь на следующий день. Хотя разговоры о вчерашнем событии всё ещё преобладали над обсуждением садиков, школ и даже политики, но всё-таки уже сузились преимущественно до рамок обеда и чаепитий. Как всякое сулящее опасности событие, окончившееся благополучно, несостоявшееся ограбление значительно подняло средний по офису градус настроения уставших от рутины сотрудников.

В момент, когда рабочие помещения наполнились обыч-

ной офисной музыкой, на пороге появился Василий Петрович, начальник службы безопасности банка. В облике его читалась несвойственная ему скованность и чувство вины. Он прошёл напрямик в кабинет Алексея и, когда его пригласили сесть, начал свой рассказ:

– Алексей Викторович, ещё раз приношу извинения от лица «Рускобанка» и от себя лично. Мы перед Вами очень виноваты.

Алексей Викторович спорить не стал: не стоит мешать человеку каяться.

– Мы всё выяснили. Этот Тарасов – бывший сотрудник нашего банка: проработал у нас полгода в инкассаторской службе, а месяц назад уволился. За время работы он украл форму, фирменные мешки и бланки. И вместе со своим соседом задумал провернуть дельце. Они планировали объехать вчера десять компаний. Везде позвонили и перенесли время инкассации на пару часов пораньше. Вы стояли в их списке первыми. Никто ничего не заподозрил, кроме вас. Дурень поехал на дело на своей же собственной машине! Мы сразу пробили её по базе. Милиция накрыла их в тот же вечер. Приехала домой к этому Тарасову, а он с соседом, тем самым, с которым на дело ездил, сидит на кухне да водку жрёт. Бежать им было некуда: денег нет, работы нет, дети маленькие у обоих. Они поняли, что дело их труба, сидели, ждали, когда за ними придут, представляете? Получается, благодаря Вам их взяли. Вы не только себя спасли, но и девять других

фирм. Как бы мы их без имени-фамилии да номеров машины нашли? Да никак. А так сядут теперь как миленькие. В общем, ещё раз большое Вам спасибо!

– Пожалуйста, – скромно ответил Алексей. Восторгов и посыпания головы пеплом в речи начальника службы безопасности могло быть и побольше, но уж ладно, как есть.

Через месяц Алексея вызвали в суд. К назначенному часу он собрался, вышел из офиса, повернул направо, прошёл триста шагов и... пришёл. Да, офис «Си-Проджекта» располагался ровно посередине между отделением милиции и судом. Едва Алексей вошёл в здание, на него наскочил адвокат и сразу начал увещевать, бурно жестикулируя:

– Вы хотите крови? – возмутился он.

Алексей Викторович растерянно развёл руками:

– Да бог с Вами, какой такой крови?

– Вы понимаете, что у них маленькие дети, а? Понимаете?

Вы хотите, чтобы дети умерли с голоду?

– Да что Вы, ни в коем случае!

– Вы будете настаивать на том, чтобы их посадили?

– Да ни на чём я не буду настаивать, не волнуйтесь Вы так!

– Точно?

– Абсолютно.

Алексей и не настаивал. А суд принял во внимание, что ограбление так и не состоялось, и вынес обоим бедолагам один год условно.

Нью-Йоркское такси

Алексей Викторович Морозов смотрел в иллюминатор. Внизу, схематично, словно на какой-нибудь плохой карте, где топограф забыл указать названия улиц, развернулся Нью-Йорк. Где-то там должна быть статуя Свободы. Алексей тщетно пытался отыскать её в прибрежных водах Гудзона, но главная дама США показываться не спешила. Самолёт сделал разворот, а идеальная разлиновка Манхэттена совершила кульбит. Самолёт шёл на посадку.

Нью-Йорк! Конечно, просто невероятно, как круто изменилась жизнь буквально за несколько последних лет. Нет, Америка не была его первой заграничной страной. К ноябрю 1996 года, когда боинг с руководством фирмы «Си-Проджект» на борту пересекал Атлантический океан, Алексей объездил уже немало стран. Германия, Италия, Франция, Испания, Турция, Великобритания. Ну и, конечно, Финляндия со Швецией. Как только открылись границы, Лёша с Леной ломанулись исследовать близкие и далёкие страны. Просто удивительно! Ещё совсем недавно Финляндия была недостижимой мечтой, а теперь бывшие ленинградцы «мотаются» туда «на денёк», как к себе в Ленобласть... Всего-то шесть лет прошло с открытия границ, а такие путешествия стали уже совершенно обычным делом. Но всё-таки... Это

же США! Думал ли он, пионер, с открытым ртом смотревший «Золото Маккены», что однажды, через много-много лет, когда он будет совсем старым и ему исполнится тридцать пять лет, он окажется в Америке!

Путь их, правда, лежал не совсем в Нью-Йорк. Вернее, совсем не в Нью-Йорк. В этом самом знаменитом американском городе они делали пересадку по дороге в Чикаго. А уже оттуда на поезде им надо было добраться до Айдахо, где их должны были (теоретически) встретить американские партнёры, которые, собственно, и оплачивали весь «банкет».

С этими партнёрами они познакомились пару лет назад на продовольственной выставке в Санкт-Петербурге. Те искали компании, готовые поднимать целину российского рынка. А «Си-Проджект» искал тех, кто готов взять на себя поставку новых «семян» на удобренную почву российского рынка. Так они и нашли друг друга. Торговали, впрочем, американцы не семенами, а картофельными хлопьями «Айдахоан», которые надо было просто залить водой – и получишь пюре. В постсоветском пространстве продукт был невиданный, кто-то относился к нему с подозрением («ясно, што химия это всё ихняя, американская! Пускай сами свою химию едят, прости Хоспади, а мы лучше картошечки с огорода!..»), кто-то – с интересом, кому-то было вообще всё равно, что там внутри, потому что полки в магазинах были пустыми, а кушать хотелось.

Американцы, увидев, как бойко идёт торговля у их новых

русских партнёров, внезапно возникшие тёплые связи между их странами решили укреплять. И пригласили руководство компании к себе: на картофельные поля

посмотреть, заводом повосхищаться да и вообще прочувствовать, как им, русским, повезло, что американцы их выбрали для ведения бизнеса. Соответственно названию картофельных хлопьев завод располагался как раз в штате Айдахо, куда и держали путь трое молодых, успешных и амбициозных бизнесменов.

Самолёт приземлился в аэропорту Джона Кеннеди. Мини-делегация шла по бесконечно длинным белым холмам, переходам и коридорам, увешанным американскими флагами, и размышляла, чем заняться в ближайшие четыре часа до рейса в Чикаго.

– А давайте поймаем такси и покатаемся по Нью-Йорку? – предложил Алексей. – Ну в самом деле, чего в аэропорту сидеть? Может, больше никогда и не доведётся побывать здесь.

Идея всем понравилась. Точнее, её первая часть. Во второй, все надеялись, Алексей всё-таки ошибся.

Троица вышла из здания аэропорта, Алексей поднял руку и тут же подъехало жёлтое такси – надо же, прямо как в кино! Коллеги Алексея со словами «ты хоть по-английски говоришь» полезли на заднее сиденье, оставив ему место рядом с водителем. Вот уж не думал Алексей, что когда-нибудь этот английский пригодится! Не зря, значит, песни «Аббы»

пел.

– Хэллоу! – бойко начал он. – Ви хэв ту, – на всякий случай проиллюстрировал свои слова двумя поднятыми вверх пальцами, – ту! ауэрс. Ви вонт ту вотч Нью-Йорк, ок?

Водитель подозрительно посмотрел на Алексея. Странно. Что он, английского, что ли, не знает? Но тот кивнул и завертел руль. Понял. Вот зачем были нужны десять лет английского в школе. И ещё три в институте, между прочим. С задних рядов Алексея накрыло волной глубокого уважения.

– Может, к статуе Свободы попросить отвезти? – слышалось предложение.

– И к этому их парку! Ну как его? Который большой такой, ещё в «Один дома-2» там мальчишка гулял.

Центральный!

– Во-во!

– Тогда надо и к башням-близнецам, Кевин туда тоже поднимался!

– Ребят, а вы откуда? – вдруг на чистом русском раздался совершенно незнакомый голос, который точно не принадлежал никому из компании «Си-Проджекта». Все трое посмотрели на водителя и переглянулись. Русский таксист! Вот это да! Первый же встреченный американец оказался русским!

– Мы из Санкт-Петербурга! – с гордостью ответил Алексей. Петербуржцы всегда отвечают на этот вопрос с таким видом, как будто живут в самом Эрмитаже, а не где-нибудь в спальном районе на окраине.

И чтобы усилить впечатление от сказанного, Алексей добавил:

– Я вообще коренной петербуржец.

Коренной петербуржец не преминет вставить фразу о том, что он именно коренной при первой же возможности или её мираже. Правда, если честно, Алексей был петербуржцем всего во втором поколении, да и то только по материнской линии. Но не зря же мама летала с Дальнего Востока рожать его в Ленинград! Специально вот для таких моментов, чтобы сын мог с небрежной гордостью говорить: «Да, я король, дорогие мои...» Ой, вернее: «Да, я коренной петербуржец...»²

– Да вы что! Здорово как! Я тоже из Петербурга! – с искренней радостью воскликнул водитель. Апломб коренных петербуржцев пришлось притушить. – А где вы там живёте-то, в Питере?

– Ну, офис у нас в центре. А сейчас я живу улице Руднева в Выборгском районе, но вообще всю жизнь прожил на Васильевском острове.

– Да Вы что! И я на Васильевском! А Вы где там?

– А знаете, я там тоже в разных местах пожил. Вот сначала, в младших классах, я жил на 6-й линии, а потом...

– Ничего себе! А в какой школе ты учился? – чисто русский переход на «ты» чисто по-русски прошёл абсолютно

² На самом деле предки Алексея жили, учились, любили, отдыхали и мутили бизнес (точнее, обдeldывали свои купеческие делишки) в Петербурге как минимум с начала 19 века, но он об этом узнает только через двадцать пять лет, когда дочка Даша увлечется генеалогией и начнет «копать» вглубь.

незамеченным и был принят как само собой разумеющееся. Естественно, какое «Вы», когда тут земляк на краю света!

– Я в 24-й, – уже с небольшой опаской сказал Алексей.

Водитель качнул головой и досадно цокнул. Как будто собранных совпадений было недостаточно!

– А я в 28-й, – сказал он.

– Так 28-я школа была прямо напротив нашего дома! У меня окна прямо на неё выходили! Там же моя сестра училась! – воскликнул Лёша.

– А как зовут твою сестру?

– Так... Алёна Морозова.

Воцарилось секундное молчание. Русский американец завис на пару секунд.

– А я с ней за одной партой сидел...

Проплывающий в окнах такси Нью-Йорк грустно смотрел на этих равнодушных коренных петербуржцев, которым встреча с земляком оказалась важнее всех красот, которые он им приготовился показать.

Фотохроника

Патриот

1969 г. 2 класс.

1985 г. Ноябрьская демонстрация.

Фотограф

J. M. [unclear] 25.9.80
R. J. [unclear]

Кадр из фильма «О бедном гусаре замолвите слово».

Любовь

1978 г.

1979 г.

1982 г.

1978 г. Совхоз «Ушаки». На картошке.

Североморск

Метро «Площадь Восстания», 1986 год.

1984 г. Первые сборы после 5 курса. Город Балтийск.

Г. Североморск. Памятник «Алёша». 1979 г.
pastvu.com

Морской вокзал Североморска. 1979 г.
pastvu.com

1986 г. Североморск. Свадьба лучшего друга

1986 г. Лена на даче.

Пыжиковая шапка

С В И Д Е Т Е Л Ь С Т В О

Выдано в том, что " 25 " сентября 1992 г.

Комитетом по внешним связям мэрии Санкт-Петербурга зарегистрировано
и внесено в государственный реестр

"ОБСОН - САНКТ-ПЕТЕРБУРГ" -
акционерное общество закрытого типа.

Реестровый № АОЛ-2694

Председатель Комитета по внешним
связям мэрии Санкт-Петербурга

В.В.ПУТИН

Свидетельство о регистрации компании «ОЕКОН – СПб».
1992 г.

Инкассатор

Алексей у себя в кабинете в офисе компании

«Си-Проджект», 1996 г.

Нью-Йоркское такси

Алексей с владельцем компании "Idahoan" в США, 1996 г.

Нет безВХОДных ситуаций

Эта фотография сделана несколькими годами позже, но действующие лица те же: семья Морозовых и Эрмитаж

Вот все «пасхалки», которые есть в книге. Попробуйте вспомнить, откуда цитата, и как звучала в оригинале (если изменена):

Типа, то, что было не со мной, помню и наоборот...

Так Алёшенька впервые узнал, что жизнь сложная штука, одни радости вкушать не получится. О том, что в страданиях душа совершенствуется, ему еще только предстояло узнать.

Возможно, не подвиг, но что-то героическое в этом точно есть.

Ни милый взгляд, ни вздох нескромный... В общем, ничто его не трогало, ничего он не замечал.

спортсмен, красавец и комсомолец

...нестерпимо хочется сделать что-нибудь эдакое. Что-нибудь нестандартное. Удивительное. Хочется пошалить.

Я пришел к тебе с приветом...

Разве может быть запрограммированное, ожидаемое, запланированное счастье? Не-а!

До чего дошёл прогресс!

До чего всё-таки техника дошла!

Все семьи на буднях одинаково тянут ляжку, каждая семья проводит долгожданные выходные по-своему.

В ожидании второй части марлезонского балета.

«Да, я король, дорогие мои»...